

ВУ АНАСТАСИЯ ПИМЕНОВА

SINGULARITY

СИНГУЛЯРНОСТЬ

-1-

18+

Анастасия Пименова
Сингулярность
Серия «Тринадцать», книга 1

<https://litres.ru/73293566>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня вырвали из привычной жизни и бросили туда, где смерть это часть сценария, а страх давно перестал быть чем-то исключительным.

Отныне важно только одно - продолжать двигаться и бороться за жизнь, даже когда тело и разум умоляют остановиться. И всё было бы проще, если бы не прошлое, которое невозможно стереть, как бы сильно не хотелось. Рано или поздно они узнают, кто я, и в тот самый момент я уже буду не просто игроком, а мишенью.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	43
Глава 4	61
Глава 5	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Анастасия Пименова

Сингулярность

Предисловие

Хотелось бы написать сюда несколько слов... Вероятно, вы сразу же поймете, чем именно я вдохновилась на написание этой истории. Что ж... отчасти вы будете правы. Мне уже давно хотелось написать нечто подобное и похожее, но одновременно с этим и *не похожее*. Я терпела, думала, обдумывала, фантазировала и снова «вдохновлялась», ведь все мы чем-то вдохновляемся, и в этом нет ничего плохого. Да и в целом мне нравится тематика «выживание», поэтому она присутствует почти в каждой моей истории, будь то фантастика, фэнтези, роман или триллер.

Запутанно? Возможно. Но вы всё поймете.

Глава 1

2178 год

Мелкие песчинки нещадно бьют по лицу с такой скоростью и силой, будто кто-то целенаправленно швыряет их в меня.

Глаза закрыты, но это не спасает. Я всё равно чувствую, как песок царапает кожу, забиваясь в ресницы и прилипая к губам. Воздух сухой и жёсткий, обжигающий изнутри при каждом вдохе, из-за чего я инстинктивно задерживаю дыхание, но долго так не продержусь.

Когда из груди вырывается слабый выдох, морщусь, пытаюсь отвернуться, правда только тело не слушается. В висках стоит гул, в голове - пустота, будто меня выдернули из сна слишком резко. Песок хрустит на зубах, и я сглатываю, ощущая противный, горький вкус. Хочется ещё сильнее зажмуриться, исчезнуть или спрятаться от этого ощущения, однако оно везде.

С огромным усилием всё же открываю глаза. И тут же жалею об этом.

Яркий, беспощадный свет врезается в зрачки, ослепляя так, что всё вспыхивает белыми пятнами.

Я вскрикиваю и снова зажмуриваюсь, слёзы выступают сами собой, смешиваясь с песком. Грудь сжимается, поэтому начинаю судорожно кашлять, пытаюсь вытолкнуть из се-

бя сам воздух. Что-то щекочет внутри носа, царапает горло, и новый приступ кашля отдаётся болью в груди.

Нужно... нужно перевернуться на бок. Это облегчит кашель и поможет скрыться от солнца.

Именно так и поступаю.

Упираюсь ладонью в поверхность под собой и чувствую, как песок проскальзывает между пальцами. Он тёплый. Даже, я бы сказала, горячий, такой, который бывает, когда на него слишком долго не попадала тень. Ладони дрожат, когда я приподнимаюсь, опираясь на них, и наконец решаюсь снова открыть глаза, только уже медленно, осторожно, прикрывая их рукой.

Повсюду один сплошной песок. Он подо мной, вокруг, тянется до самого горизонта, напоминая бесконечную, слепяще-светлую поверхность, колышущуюся под ветром. Ни стен, ни потолка, ни тени. Только солнце высоко над головой и песок, который продолжает бить по коже, напоминая, что я здесь, и это реальность, а не чертов сон.

Заставляю себя подняться, прикрывая нос и рот, чтобы песчинки туда не попадали, делаю медленный и неровный вдох.

Здесь. Где это здесь?

Ещё раз оглядываюсь, словно могла что-то упустить, но картина не меняется.

Мысли скачут от одной к другой, правда ни одна из них не объясняет того, как я оказалась... в пустыне.

Чёрт, да я же живу в тысяче милях от неё, поэтому в теории даже просто добраться не смогла бы... Если только...

Вдох не получается сделать, но в этот раз не из-за песка, а из-за собственной мысли, догадки, которая ядом расплзается в голове.

Нет, нет, нет.

Только не это.

Почти тут же я опускаю руку и не дышу, смотрю сначала на одно свое запястье, где красуется тонкий с сенсорной панелью браслет, с внутренней стороны, там, где видны голубоватые вены, а после на второе и... замираю.

На коже - темные, четкие линии. Цифры.

013. Я смотрю на них так, будто они могут исчезнуть, если не моргать. Будто это просто грязь, тень или след ото сна. Резко, почти болезненно провожу по коже пальцем. Нет. Они не стираются! Кожа под ними настоящая, тёплая... живая. И цифры тоже *настоящие*.

Ветер продолжает хлестать песком по ногам и рукам, забиваясь в одежду, но я почти не чувствую этого. Всё внимание приковано к трём символам, теперь выжженным на мне, как клеймо.

013. Тринадцатая.

У меня перехватывает дыхание.

Не потому, что страшно, а потому что, черт подери, я знаю.

Губы приоткрываются, правда из них не вырывается ни

звука. В голове начинается настоящий хаос, обрывки мыслей, резкие и несвязные вспышки воспоминаний.

Но как? Как такое возможно?

Ветер усиливается, песок закручивается плотными потоками, небо словно выцветает от жары. Солнце безжалостно давит сверху, и кажется, что даже воздух дрожит. А я всё стою, уставившись на собственную руку, как будто она больше не принадлежит мне.

Что произошло?

Я точно помню, что отработала свою смену, после отправилась домой и...

Пустота.

Последующие мысли обрываются.

Земля под ногами внезапно вздрагивает, сначала едва ощутимо, как далёкий гул, словно что-то огромное переворачивается глубоко под песком. Я напрягаюсь, машинально расставляя ноги шире, но этого недостаточно. Вибрация усиливается, проходит по телу снизу вверх, отдаётся в коленях, в позвоночнике и даже в зубах.

Песок под подошвами начинает уходить, вернее утекать, как если бы он был живым и его кто-то втягивал вниз. Я спотыкаюсь, едва удерживая равновесие, сердце срывается в бешеный ритм, а после оборачиваюсь.

Щурюсь, прикрывая глаза ладонью, и тогда замечаю это.

Горизонт там, где песок соединяется с небом, колыхается. Линия больше не ровная. Она дрожит, искажается, как буд-

то сама реальность там не выдерживает собственного веса. Песок поднимается волнами, не от ветра... от движения чего-то большого.

Я делаю шаг назад.

Потом ещё один.

И ещё.

Теперь в мыслях лишь одно единственное слово на повторе: *бежать*.

Пальцы действуют быстрее сознания. Я дёргаю ткань на груди, не ту, в которой возвращалась домой, уже другую, *специальную*, отрывая неровный кусок, почти рву его, не чувствуя боли в коже. Торопливо повязываю его на лицо, закрывая нос и рот, затягиваю как могу, лишь бы не дышать всем этим.

Гул нарастает.

Я разворачиваюсь и бегу.

Не разбирая направления и не думая, куда. Просто... подалее. Подальше от колышущегося горизонта и от того, *что* приближается.

Чертов песок забивается в ботинки, которые сейчас только мешаются, но снимать я их точно не собираюсь. Ступни проваливаются, поэтому все мои движения замедляются.

Взгляд скользит по горизонту, но я вижу лишь одни дюны.

Останавливаться и обдумывать, куда именно бежать - нельзя. Потеряю время.

Сейчас я жалею, что никогда не слушала, что говорила

Дарси. Если бы она оказалась на моем месте, то точно знала бы, что делать...

Взбираюсь на песчаную дюну, цепляясь руками за песок, который тут же проходит сквозь пальцы, но это всё равно помогает, давая хоть какую-то опору.

Дыхание сбивается, а песчинки продолжают попадать в глаза. Очки бы сейчасгодились.

Оборачиваюсь буквально на несколько секунд. На горизонте появляется тёмное пятно, как чёрная дыра или воронка, которая медленно пожирает свет, поглощая всё вокруг, в том числе мельчайшие детали горизонта.

Исчезает также резко, как появляется. Но песок в том месте... становится каким-то странным, неправильным.

Сердце колотится так, что кажется, оно вот-вот вырвется из груди.

Спускаюсь с этой дюны, почти скольжу, но не падаю.

Я продолжаю бежать. И нет ни малейшей мысли о том, чтобы остановиться. Только бежать дальше, пока ноги держат, а песок под ними ещё не проглотил меня окончательно.

Тут должно быть хоть что-то... Не может быть «ничего». Так ведь *неинтересно*.

Очередная дюна, когда дрожь всё больше нарастает.

Дыхание обрывается на короткие, обжигающие вдохи, грудь ноет, в горле все так же сухо, словно я вдыхаю не воздух, а саму пустыню.

Вязкий, липкий страх растягивается внутри, сдавливая. Я

злюсь на себя, на это место и на собственное тело, которое вот-вот подведёт. Но останавливаться нельзя. Нельзя даже просто замедлиться.

Я взбираюсь наверх и на секунду замираю, противореча собственным мыслям.

Вдалеке, размытые маревом и светом, поднимаются скалы. Неровные, тёмные, рваные силуэты, будто кто-то вырвал кусок другого мира и воткнул его посреди этого песчаного ада. Они выглядят нереально и слишком далёкими.

Я не успею.

Ноги горят, дыхание сбито, песок тянет вниз, а земля подо мной ведёт себя так, словно вот-вот решит меня съесть.

Тем не менее выбора нет.

Если не побегу туда, я умру. Не «возможно». Не «скорее всего». А просто *умру*.

Конечно, мозг будет цепляться до последнего, даже не просто мозг, а сам человек, ведь это в нашей сути. *Выжить*. Даже если шансов нет, нет вариантов, всё равно снова и снова мы будем продолжать бороться. Я буду.

Срываюсь с места, бегом спускаясь с дюны, почти падая. Песок уходит из-под ног, я оступаюсь, лечу вниз, переворачиваясь, кувыркаюсь и отчетливо чувствуя, как тело бьётся о склон, как в рот и нос набивается песок, а ткань на лице сползает, но я всё равно продолжаю катиться, пока, наконец, не удаётся встать, пошатываясь.

Дальше дюны становятся ниже и реже. Земля едва вырав-

нивается, но от этого не становится легче, наоборот. Дрожь под ногами усиливается, превращаясь в непрерывную, бешеную тряску. Будто под поверхностью что-то движется, перестраиваясь, сжимается и расширяется.

Я не хочу знать, что это, но боюсь, всё же узнаю.

Бегу к скалам, не отрывая от них взгляда, мне кажется, если перестану смотреть, они исчезнут.

Сердце колотится в висках, отдаваясь в ушах. Каждый шаг уже дается через боль, дикое жжение в мышцах, а еще через желание упасть и больше не вставать.

Половина пути.

Я чувствую это телом, и именно в этот момент тряска становится невыносимой.

Оборачиваюсь и почти тут же жалею.

Песок позади меня внезапно проваливается, уходя вниз так, словно его вытягивают из-под поверхности. Земля раскрывается ровным, пугающе идеальным кругом, поэтому я вижу чёрную, глубокую дыру, в которую стремительно утекает песок, воздух, даже сам звук.

Собственный вскрик обрывается, так и не успев начаться.

Нога соскальзывает, почва под ней исчезает, и меня тянет вниз. Падаю на живот, вцепляюсь руками в край, но песок не держит, он течёт, как вода, вырываясь из-под ладоней. Пальцы скользят, ногти царапают пустоту, сердце стучит в горле, тогда как дыхание срывается на хрип.

- Нет, нет, нет... - дикая, паническая мысль вырывается

наружу.

Я цепляюсь снова, глубже зарывая руки, чувствуя, как песок уходит, утягивая меня к центру этой дыры. Внизу тьма и что-то ещё. Я не вижу этого, но чувствую. Холодный, металлический голод, затаившийся под поверхностью.

Бедро ноги задевает какой-то попавшийся камень, и я ощущаю, как что-то острое упирается в кожу.

Пока продолжаю скользить, то рукой тянусь к бедру и достаю из кармана... нож. Недолго думая, вгоняю его в поверхность под собой, но черт... никакого сцепления. Это едва-едва замедляет моё падение.

Нож упирается в выступ, скрытый под песком, возможно, это тоже была когда-то скала, пока её не замело. Именно это спасает меня от падения в неизвестность, только ноги свисают в дыру.

Чёрт!

Зря. Зря я кидаю туда взгляд.

Внизу не просто темнота. Там буквально ничего. Пустота, в которую сыплется песок, исчезая без звука и без какого-либо удара. Его втягивает, словно сама глубина жадно вдыхает слой за слоем. Из-за вибрации песчинки дрожат, срываясь с краёв, и вместе с ними ускользает ощущение реальности. Мир здесь просто обрывается.

У меня закладывает уши, в груди всё сжимается.

Меня накрывает животный ужас, такой, от которого мутнеет зрение и немеют пальцы. Я не могу отвести взгляд, хотя

понимаю, что нельзя смотреть, но всё же именно это и делаю.

Подо мной раскрыта пасть, которая ещё не сомкнулась... но обязательно сомкнётся.

- Нет... - мысль тонет в шуме крови в ушах.

Собираю остатки сил, которых, кажется, уже не существует, и тянусь вверх, вцепляясь в рукоять ножа. Лезвие глубоко застряло в выступе, и именно это даёт шанс. Металл скрипит, вибрируя, рукоять режет ладонь, но я подтягиваюсь через боль и через дрожь в руках.

Ноги всё ещё свисают в пустоту.

В этот же момент происходит некий процесс. По краям дыры, там, где секунду назад был только песок, что-то приходит в движение. Из тьмы выдвигаются ряды острых, неровных, металлических зубьев, появляясь плавно и пугающе точно, как части идеально отлаженного механизма.

Чёрт!

Подтягиваюсь выше, и в этот же миг зубья смыкаются.

Глухой металлический лязг разрезает воздух. Песок взрывается вверх, осыпая меня с ног до головы, а затем так же быстро начинает засыпать дыру, словно ничего и не было. Будто пустыня сама зализывает рану.

Я вытаскиваю ноги и откатываюсь в сторону, тяжело и судорожно дыша, прижимаясь к земле. Сердце колотится так, что больно. В груди жжёт, в руках дрожь такая сильная, что я не сразу понимаю... всё ещё держу нож.

Ещё секунда.

Всего одна чертова секунда, и меня бы просто... не стало. Не целиком. По частям.

Мысль накрывает с запозданием, и от неё к горлу подкапывает тошнота.

Правда, не это самое ужасное, а осознание, что всё повторится.

Земля всё ещё слегка дрожит, явно предупреждая. Здесь нельзя лежать, замирать или думать слишком долго.

Меня ослепляют блики, не от солнца, а от чего-то другого, кажется, догадываюсь, чего именно... но зрение расфокусировано, чтобы я смогла сейчас что-то заметить в небе.

С дрожью во всём теле заставляю пальцы разжаться, вытаскиваю нож из песка. Лезвие покрыто мелкими царапинами, но цело. Как и я. Пока что.

Перекапываюсь на колени, потом с трудом поднимаюсь на ноги, которые подкашиваются, а само тело протестует, разум кричит, чтобы я остановилась, но я подавляю это.

Нужно уходить отсюда, двигаться дальше. К скалам. Именно там мой единственный шанс на возможное спасение.

Делаю шаг, после ещё один и ещё, затем срываюсь на бег. Каждый вдох крайне болезненный и горячий, ноги будто налиты свинцом, но я не сбавляю темп. Скалы растут передо мной, становясь чётче, более реальными.

Когда до них остаётся совсем немного, земля снова начинает судорожно дрожать. Песок под ногами пульсирует.

Опять. Значит, *это* будет уже вот-вот.

Боковым зрением замечаю движение.

Кто-то ещё.

Я поворачиваю голову на бегу и вижу силуэт девушки, несущейся к скалам с другой стороны. Мы идём почти параллельно, на определенном расстоянии. Лица я не различаю, так как слишком далеко, а также много пыли и света, зато вижу плотную, защитную одежду и маску на лице.

Откуда у неё маска?

Вибрация усиливается так, что зубы начинают стучать. Я почти врезаюсь в скалу, резко останавливаясь и упираясь ладонями в холодный, шероховатый в некоторых местах камень.

Похоже, кто-то решил поиздеваться. Выступов почти нет, их совсем немного, нужно ещё постараться, чтобы взобраться.

Где-то в четырех футах над землей вижу, как камень становится ровнее, шире, туда можно забраться, соответственно можно переждать.

Попробую. Ведь другого мне не остается.

Я вгоняю лезвие ножа в узкую щель между камнями. Металл входит с сопротивлением. Хорошо. Ставлю ногу на слабый выступ, который крошится, тем не менее держит. Подтягиваюсь, тогда как рука дрожит, ладонь горит, а плечо простреливает болью, но я лезу рывками, стиснув зубы, не позволяя себе ни секунды сомнения.

Ещё шаг.

Рывок.

Вот так...

Нога соскальзывает, и я повисаю, держась только за рукоять ножа.

Вот же... дерьмо!!!

Глаза мечутся за выступы, за то, куда можно поставить ногу... что-то... Ну, давай же!

Приходится немного раскачаться, когда мышцы словно находятся в огне, всё тело напряжено до предела, и вот... получается!

Взбираюсь дальше.

Проходит слишком много секунд, так мне кажется.

Я оказываюсь на выступе, почти падая на колени и одновременно цепляясь за камень. Вибрация здесь ощущается иначе, как если бы была снизу, изнутри самой скалы. Она становится все более невыносимой, режущей, как ультразвук.

Я поднимаю голову.

Та девушка почти добежала.

- Сюда! - машу ей обеими руками, забывая о боли и страхе. - Сюда!

В этот момент вокруг подножия скалы раскрываются сразу несколько дыр. Не одна... три, четыре, больше! Песок уходит вниз потоками, воздух срывается в воронки. Девушка резко тормозит, едва не падая, вынужденная менять направ-

ление и огибать провалы, теряя из-за этого драгоценные секунды.

Срываюсь с места по выступу, перебираясь на другую сторону, которая ниже, под углом, даже чуть соскальзываю, туда, где камень образует небольшой карман, где можно укрыться.

- СЮДА! - кричу изо всех сил, перекрывая гул и вибрацию. - БЕГИ СЮДА!

Она несется прямо туда, куда я ей и говорю.

Взгляд опускается на песок, который трясется, и я понимаю, что она не успеет.

- Прыгай! - мой крик, и ей остается несколько футов до меня. Именно в этот момент песок исчезает, так как появляется очередная дыра.

С разбега, почти не касаясь земли, незнакомка прыгает, и я бросаюсь вперед, ложась грудью на камень, скользя по нему и одновременно вытягивая руку до предела. Наши пальцы сначала едва касаются друг друга, но так как я скольжу ещё чуть ниже, то через долю секунды перехватываю её, сжимая запястье так крепко, что боль простреливает руку до плеча.

Её тело повисает в пустоте.

Наши взгляды пересекаются на мгновения. Я не вижу всего лица, потому что маска скрывает его, запыленная ткань натянута, но глаза... Я вижу широко распахнутые, тёмные и переполненные чистым, невыносимым ужасом глаза, в которых отчетливо читается отчаянная просьба жить.

- Не... не отпускай... - голос глухой, искажённый маской, почти захлёбывающийся. - Пожалуйста... не отпускай... меня!!!

Я рывком тяну её вверх, чувствуя, как мышцы напрягаются до предела и как скользит кожа из-за пота, а камень под ладонью становится опасно гладким.

Она очень тяжелая для меня, но я отказываюсь отпускать, даже когда сама медленно сползаю.

Цепляюсь второй рукой за выступ, пальцы немеют, камень скользкий из-за запотевшей ладони.

- ... давай же! - выдыхаю я и поднимаю руку, ту, которой держу её.

Из тьмы выдвигаются лезвия.

- Пожалуйста... - её голос срывается. - Вытащи меня, я не хочу... я не...

Резкое движение воздуха, металлический скрежет, и её глаза расширяются ещё сильнее. Она коротко, пронзительно кричит, из-за чего у меня на мгновение закладывает уши, следом звук обрывается.

Лезвия смыкаются.

Рывок такой сильный, что мне кажется, меня сейчас утянет вслед за ней. Тёплые брызги ударяют в лицо, попадая на шею и руки. Кровь. Я чувствую её запах, вкус, как она смешивается с песчинками, как всё это мгновенно начинает исчезать вниз. Пустыня таким образом пожирает всевозможные следы.

Песок обрушивается обратно, засыпая дыру и скрывая всё, что только что было.

Я остаюсь на выступе, задыхаясь, с застывшей рукой, которая всё ещё держит часть её тела - руку, голову и часть груди, ведь ее разрезало практически пополам.

Глаза девушки так и остаются открытыми, и я делаю то единственное, что ещё могу... перевожу взгляд и касаюсь её запястья.

058. Пятьдесят восьмая.

Отпускаю её руку, и часть тела падает на песок, когда подтягиваюсь и переворачиваюсь на спину, тяжело дыша.

Дрожь, проходящая через всё тело, говорит о том, что я всё ещё жива.

Я да, а пятьдесят восьмая нет.

Меня мутит.

Желудок сжимается резким спазмом, и я едва успеваю перевернуться на бок, утыкаясь лицом в холодный камень. Сухие, болезненные позывы сотрясают тело, правда выходит лишь горький воздух и вкус чужой крови во рту. Я судорожно дышу, стараясь не смотреть вниз, чтобы не думать и не вспоминать глаза, которые так и остались открытыми.

С усилием заставляю себя приподняться. Ложиться нельзя. Я это уже усвоила. Медленно, через дрожь и слабость, принимаю сидячее положение, опираясь на руки, пока головокружение не становится чуть терпимее.

Взгляд падает на нож, что лежит рядом, наполовину за-

сыпанный песком и покрытый тёмными пятнами, которые я не хочу разглядывать слишком внимательно. Рука автоматически тянется к нему, и только сейчас почему-то смотрю на свою одежду. Точно такая же, какая была и на ней.

Плотная, обтягивающая, явно рассчитанная на движение, бег и на выживание. Сверху что-то среднее между футболкой и кофтой, с рукавами до локтя, ткань тянется, но держит форму. Я опускаю взгляд ниже, на штаны, и замечаю карманы. Два. Симметричные.

В одном был нож. Что тогда во втором?

Пальцы нащупывают что-то мягкое, сложенное. Я вытаскиваю это и на секунду замираю. Маска. Ну, конечно. Стоило это сделать сразу, а не после всего произошедшего. Моя импровизированная повязка давно слетела, а я даже не заметила в какой именно момент это произошло.

Не раздумывая, надеваю её. Ткань ложится на лицо непривычно, плотно, но дышать становится легче.

Помимо маски пальцы нащупывают ещё кое-что. Ключок бумаги?

Я медленно вытаскиваю его, словно он может укусить. Разворачиваю, обращая сначала внимание именно на кривые и явно написанные в спешке буквы.

«Помаши рукой, сука»

Смотрю на эти слова несколько секунд, не моргая, когда прямо в небе появляется яркая вспышка.

Осознание не накрывает меня яркой вспышкой, нет, оно

медленно, словно издеваясь, обволакивает каждую мысль, воспоминание и пазл также медленно складывается в голове.

Вот же... дрянь.

В этот момент прямо с неба в двух футах от меня, на скалу опускается светящееся кольцо диаметром пол фута.

Скала подо мной вздрагивает.

Светящееся кольцо не просто касается камня, оно пронзает его, будто тот состоит не из камня, а из сухой глины. С обратной стороны раздаётся глухой треск, и куски породы осыпаются вниз, исчезая в песке. Свет внутри кольца пульсирует, становясь ярче и гуще, почти ослепительным, от него по скале расползаются тонкие, как паутина, трещины.

Я знаю, что это значит.

Эта мысль не вызывает облегчения, какой-то радости или той же надежды. Только холодное, злое понимание.

Единственный выход. *Не спасение, именно выход.*

Ноги подгибаются, когда я поднимаюсь. Они дрожат так, будто вот-вот откажут, но я всё равно делаю шаг вперёд. Потом ещё один. Воздух вокруг кольца кажется плотнее, вязким, как перед грозой. Волосы на руках встают дыбом, кожа покалывает, будто меня уже начали разбирать на части.

Я встаю внутрь круга.

Свет мгновенно поднимается вверх, замыкаясь вокруг, образуя что-то вроде прозрачного барьера, который моментально изолирует от ветра, в целом от этого места. Пустыня остаётся снаружи, продолжая жить своей хищной жизнью,

но до меня больше не дотягивается.

Я поднимаю взгляд.

В небе вновь вспыхивают крошечные и почти невидимые отблески. Если не знать, что искать, никогда бы не заметила. Камеры. Их слишком много, чтобы считать. Они не шумят, не двигаются резко, просто смотрят. Такие маленькие прозрачные, стекловидные, я бы даже сказала, шарики.

Вот тогда я понимаю всё окончательно.

Улыбка выходит кривой, злой. Настоящей.

Я медленно поднимаю руку и показываю им средний палец прямо в эти вспышки, в их всевидящие, скрытые глаза.

- Пошли вы, - шепчу, хотя знаю, что они услышат. *Эта дрянь услышит.*

Свет вспыхивает сильнее.

На секунду мир ломается.

Пространство вокруг изгибается, как отражение в кривом зеркале. Скала, небо, песок, всё растягивается, смещаясь и теряя форму. Тело становится лёгким, практически невесомым, как если бы меня вытащили из собственной кожи.

А потом... резкий рывок. И пустыня исчезает.

Глава 2

Меня выкидывает на жесткий пол и почти сразу же рвёт. Я выbleвываю те остатки пищи, которую принимала... Сколько часов назад?

- Первые перемещения в сознании всегда заканчиваются таким образом, - раздаётся голос неподалеку, и я заставляю себя с трудом поднять голову, так как ещё мутит.

Девушка стоит прямо напротив меня в медицинском халате и даже выдает неловкую улыбку. Больше, кроме неё, тут никого нет в темном и достаточно мрачном пространстве.

Это кабинет или что-то такое, по размеру точно, как он, только со множеством экранов за её спиной.

- Встать можешь? Или нужно время?

Я вытираю остатки слюны с примесью чего-то ещё, чего именно знать не хочу, и только тогда ей отвечаю:

- Смогу.

Она не в курсе, но это не первое моё перемещение. Однако первое за последние двенадцать лет, поэтому организм адаптируется.

Сначала упираюсь ладонями в холодный, жёсткий и без единой царапины пол, будто его только что вымыли, затем, переживая очередную волну тошноты, заставляю себя встать на колени. Голова всё ещё гудит, тело ватное, но я держусь. Медленно выпрямляюсь, стараясь не делать резких движе-

ний.

Только теперь замечаю помещение.

Стены и потолок обиты чёрными, матовыми, поглощающими свет панелями, из-за чего пространство кажется меньше и глубже одновременно. Ни окон, ни привычных углов, всё слегка скруглено. Множество экранов, которые мерцают за спиной девушки, переливаясь графиками, линиями, а еще цифрами, смысл которых я пока не хочу понимать. Да и не вижу, что-то со зрением. Видимо, последствия перемещения.

- Отлично. Ты, кстати, неплохо справилась.

Неплохо.

Я едва сдерживаю смехок, застревающий в горле.

- Я Лианна, - представляется она, делая шаг в сторону и убирая руки в карманы халата. - Медицинский координатор. Не волнуйся, формальности. Сейчас мы проверим твои показатели, а потом за тобой придут.

- Придут? - голос звучит хрипло, вероятно, из-за песка, которого я вдоволь наглotalась.

- Да. Отведут в общий зал. К остальным, кто прошёл первый этап. - Она делает паузу, подбирая слово. - Мы называем это... отборочным контуром. Так звучит мягче.

Мягче.

Я стискиваю зубы.

Лианна кивает в сторону платформы, на которой я оказалась после перемещения.

- Встань, пожалуйста, в сканирующую рамку.

Это не капсула. Скорее вертикальная арка из тёмного металла, с тонкими светящимися линиями по внутреннему контуру. Она выглядит почти невесомой, но от неё веет чем-то стерильным и опасным одновременно.

Я подхожу и становлюсь внутрь.

Свет оживает, а Лианна начинает что-то нажимать на клавиатуре, отворачиваясь от меня.

Тонкие полосы проходят сверху вниз, затем обратно, скользя по коже, под одеждой, будто ощупывают изнутри. Воздух вибрирует, в ушах появляется слабый писк.

Сжимаю челюсть так сильно, что она начинает ныть.

Перед глазами всплывает одно имя.

Милли.

Вот же дрянь.

Знала. Прекрасно понимала, что делает.

Отправила меня не просто в ловушку, на чёртовы игры, где выживание считают развлечением, а смерть... статистической.

Но как? Как ей удалось это повернуть? Да, её родители входят в правление в нашей зоне, но... чтобы настолько. Похоже, я так и не вернулась домой.

- Лианна, какое сегодня число?

Если девушка и удивляется моему вопросу, то вида не подает, спокойно отвечая:

- Третье.

Да. Вчера я возвращалась после смены и...

Не помню.

В голове всплывает путь домой, пустынные улицы. Похоже, кто-то меня перехватил и... И что? Как меня запихнули сюда без моего согласия?

Моя подруга Дарси ярая фанатка игр. Чтобы попытаться удачу стать Творцом, даже хотела сама записаться, но здравый смысл всё же взял над ней вверх, ведь тут нельзя просто «проиграть» и выйти из игры. Одна ошибка, проигрыш - смерть. Выход только такой.

- В принципе, всё отлично, - сообщает Лианна, оборачиваясь ко мне и кивая, а я выхожу из этой арки. - Пульс зашкаливает, но это нормально с учетом того, что ты пережила.

- Ты видела?

- Конечно, - в её глазах появляется заинтересованный блеск.

Она поворачивается к экранам, скользит взглядом по данным, будто пересматривает запись снова и снова, не потому что нужно, а потому что хочется.

- Пятьдесят восьмую, разумеется, жаль, - говорит девушка почти небрежно, пожимая плечами. - Но... - пауза выходит выверенной, - это было ожидаемо. Отборочный контур всегда самый грязный. Паника, импульсивные решения, неправильная траектория, - она переводит взгляд на меня. - Ты сделала почти всё правильно. Кроме того, что попыталась спасти её. Она же всё-таки твоя соперница. Обычно, на на-

чальных этапах, когда игроки попадают в один и тот же контур, наоборот, стараются избавиться друг от друга. Твое поведение... было странным.

Конечно, черт возьми, странным, потому что я не игрок! И никогда не собиралась им становиться!

Лианна протягивает руку и нажимает кнопку на панели сбоку. Где-то в глубине помещения раздаётся глухой и при этом отчётливый щелчок.

За мной скоро придут.

- Ты знаешь, как меня зовут? - спрашиваю у неё, пока ещё есть время.

Она поворачивается обратно, чуть склоняя голову, словно вопрос её позабавил.

- Пока нет, - улыбка лёгкая, почти дружелюбная. - Сейчас ты тринадцатая. Номер важнее имени. Идентификация будет позже, когда объявят всех оставшихся. Одновременно. Чтобы, знаешь... - она делает неопределённый жест рукой, - создать эффект.

Тогда понятна её сговорчивость. Если бы она узнала, кто я, то, вероятно, даже слово бы мне не сказала.

Что ж...

- А... - голос подводит, приходится вдохнуть глубже. - Как именно меня сюда доставили?

Вопрос повисает в воздухе тяжелее предыдущих.

На секунду, всего на секунду, Лианна задумывается. Не потому что сомневается, а потому что перебирает формули-

ровки.

- Точно сказать не могу, - честно отвечает она. - Я работаю с теми, кто уже здесь, кто прошел отборочный контур. А что? Все же приходят добровольно.

Не все.

В голове всплывает обрывок воспоминания: пустынные улицы, путь домой, вечер, который должен был закончиться дверью квартиры. Я напрягаюсь, пытаюсь ухватиться хоть за что-то ещё, но там пусто.

- Но вас перемещают в контур в бессознательном состоянии, если тебе интересно, это, чтобы...

- Чтобы не рвало.

- Да. Вот видишь, кое-что ты знаешь. Отборочный контур плохо переносится в сознании. Ты исключение. Уверена, что другим координаторам так не повезло, как мне с тобой. Тех игроков, наверное, ещё в чувство приводят...

Пока Лианна продолжает болтать, то я вспоминаю Дарси. Как она захлёбывалась словами, рассказывая про этапы, зрелище, про то, как «интересно смотреть реакции». Я никогда не слушала до конца и почти не смотрела, потому что не думала, что это может стать... личным.

Если я доберусь до Милли, то сверну шею на глазах у её родителей и пусть будет, что будет. Сейчас мне на это плевать.

Дверь отъезжает в сторону, прямо в стену, и в проходе появляются двое мужчин, старше меня лет на десять, которые

тут же встречаются с моим взглядом.

- Она готова? Идти сможет или тоже придется тащить?
- задает вопрос один из них, обращаясь именно к Лиане, а меня полностью игнорируя.

Слепые идиоты.

Я схожу с платформы, когда Лианна открывает рот и подхожу прямо к ним, произнося:

- Я готова, - голос ровный, холодный. Я приподнимаю одну бровь, глядя прямо на них, и добавляю с явным удовольствием: - И если кто-то из вас попробует меня «тащить», я сломаю ему колено.

Они одновременно сдвигают брови, будто не ожидали, что объект вдруг заговорит. Один бросает быстрый взгляд на Лианну, второй на меня, оценивающе, с раздражением.

Секунда напряжения. Потом один из них хмыкает.

- Оружие, - говорит он, протягивая руку. - С собой нельзя.
Ну надо же. Не совсем идиоты.

Я медленно и демонстративно вытаскиваю нож, протягивая им, когда один из них, тот, у которого козлиная бородка, забирает его.

Меня выводят из кабинета.

Узкий, тёмный коридор, без окон, без опознавательных знаков. Не обит панелями, как у Лианны, но стены такие же глухие, матовые, будто свет здесь не отражается, а вязнет. Шаги отдаются гулко, чуждо. Кроме нас никого. Ни голосов. Ни движения. Словно весь этот уровень существует только

для того, чтобы проводить.

Мы сворачиваем раз, второй, третий. Мимо закрытых дверей без табличек. Без ручек. Просто гладкие плоскости, за которыми, вероятно, такие же кабинеты.

Лифт.

Двери разъезжаются с тихим шипением. Мы заходим, и я отмечаю, что до этого находилась на минус первом этаже, а теперь мы едем на два этажа выше.

Двери открываются, и свет бьёт в глаза резче, чем солнце в пустыне. Здесь всё иначе, ярко, стерильно, почти ослепительно. Белые коридоры, гладкие стены, ровный свет без теней. Как будто меня вытащили из чрева зверя и вывалили на операционный стол.

Чёрт!

Приходится часто моргать, чтобы глаза быстрее адаптировались.

Вообще мне хочется хотя бы умыться, но мне никто не даст этого сделать. По крайней мере, сейчас.

Мы останавливаемся напротив двух массивных дверей, рядом с которыми стоят стражники или охрана по-другому, такие же, как и те, что ведут меня. Вооружённые.

Одеты в белоснежную форму с жёсткими накладками на груди и плечах, идеально подогнанную, будто они не люди, а манекены. Белые ботинки, перчатки, шлемы под мышкой. Чистота до абсурда, до издевательства.

Они даже не смотрят на меня, только на сопровождаю-

щих. Короткий кивок.

Двери открываются вовнутрь на этот раз, и я делаю три шага, оказываясь в большом сером пространстве с полукруглым потолком.

Зал огромный, стерильно-нейтральный, как и всё здесь. Серый, матовый пол слегка пружинит под ногами. Потолок полукруглый, высокий, будто купол, и в нём нет ни единого шва, ни лампы, ни решётки. Свет идёт отовсюду сразу, равномерный, без источника и без теней. Это первое, что бросается в глаза. И второе, окон здесь совсем нет.

Прямо напротив меня, то есть около входа, прозрачное поле. Что-то напоминающие стекло или просто видимый воздух, которое слегка искажает пространство за собой, как марево. За ним помост... что-то вроде аккуратной, геометрически выверенной возвышенности, и в самом центре помоста закрытая дверь.

Чуть в стороне, левее, уже без защитного поля находится ещё одна дверь.

Здесь уже есть люди, такие же участники, как и я. Хотя нет. Не такие. Они все добровольцы, а я... здесь не по своей воле, только вот это никому не объяснишь. Всем насрать, и никто с этим разбираться не будет, тем более, когда узнают, кто я. Вернее, кое-кто уже знает, тот, кто сейчас наблюдает за нами через камеры. Они здесь тоже есть, я вижу их наверху, парящими в небе. Всё те же маленькие круглые и стеклянные шарики.

Всего, не считая меня, десять человек. В основном парни, почти все моложе двадцати пяти. Старше сюда не берут, я это помню. Одно из базовых правил, которое даже Дарси повторяла с особым энтузиазмом. Две девушки, со мной - три.

По краям зала, вдоль стен, тянутся длинные лавки, не отдельные сиденья, а сплошные, гладкие поверхности. Кто-то уже сидит там, кто-то полулежит, некоторые просто устали и лежат в пол, будто боятся поднять взгляд.

В дальнем углу находится группа из четырёх человек. Стоят вместе, слишком близко друг к другу, явно уже сбившись в мини-альянс. Они переговариваются вполголоса, наклоняясь друг к другу, при этом резко и как-то нервно жестулируя, явно обсуждая и оценивая остальных. Возможно, уже что-то и планируют.

На всех та же форма, что и на мне. Обтягивающая, функциональная и без каких-либо опознавательных знаков или имён.

У кого-то она выглядит так, будто её только что выдали... чистая, сухая, без единого следа. А у двоих... форма насквозь мокрая. Ткань потемневшая, липнет к телу, с них до сих пор капает на пол. Волосы влажные, лица бледные. Похоже, им не повезло оказаться в воде. Судя по их взглядам и внешнему виду, то это было не лучше, чем песок.

Как только за мной закрываются двери, то разговоры затихают, и на меня обращают внимание.

Конечно.

Оценивают.

Хоть внутри меня и трясет, все же я стараюсь не показывать этого внешне.

Взгляды скользят по мне, форме, лицу и по пятнам крови, которые мне даже не удалось убрать. Кто-то задерживается дольше, кто-то, наоборот, тут же отводит глаза. Один из парней на лавке слегка напрягается, будто инстинктивно отодвигается.

Я чувствую это почти физически.

Должна заметить, что следов крови я больше ни у кого не замечаю, как и разорванной формы. У меня-то куска нет прямо на животе, потому что я оторвала его прямо оттуда.

Я заставляю себя начать шевелиться и направляюсь в сторону, сажусь на лавку и облокачиваюсь затылком о холодную стену, а разговоры тем временем продолжают. Они уже потеряли ко мне всякий интерес, просто отметили, что прошел ещё один игрок. Чем больше игроков вначале, тем тяжелее будет дальше. Это понимают все.

Теперь у меня есть время подумать.

Милли так сильно разозлилась из-за придурка Джека, что тот бросил её, что решила отправить меня сюда.

Ладно, признаюсь, на такое даже я не рассчитывала. Отлично сработано. Я думала, что у неё кишка тонка что-либо мне сделать, поэтому и поцеловала Джека на её глазах, а он... как истинный придурок бросил её. Чёрт, конечно, я была рада позлить её, но тот уже напридумывал себе в голо-

ве что-то, что мы будем встречаться и прочую чушь.

Милли не просто взбесилась.

Она решила.

Я почти вижу это: истерика, крики, слёзы, а потом резкий обрыв. Холод в голосе. Тот самый момент, когда она перестаёт быть обиженной девчонкой и становится дочерью людей, у которых есть доступ.

Она пошла к родителям. А те в свою очередь пошли на поводу дочери, они всегда сдували с неё пылинки, как-то меня даже перевели в другой класс из-за неё. Если судить по мере всех зон, её родители далеки от верха в пищевой цепочке, но именно в восьмой зоне они занимают верхнее место, поэтому связи у них есть.

Они заплатили кому-то, чтобы меня похитили, аккуратно что-то вкололи, вероятно, быстродействующее снотворное. Контактный седатив. Что-то, от чего ты просто... выключаешься. Поэтому шея и не болит. Поэтому нет синяков, а в памяти лишь провал и никакой боли. После же доставили прямо в «сортировочный центр», это я так называю то место, потому что нас людей отсеивают там, как мясо. Меня спокойно провезли, заполнили анкету за меня со всеми данными, которые не так сложно узнать и взяли образец крови, чтобы убедиться, что я «чиста», то есть нет никаких болезней. После доставили в первую зону, откуда прямиком забросили в отборочный контур.

Вот так вот.

Медленно выдыхаю через нос.

Насколько в хреновой ситуации я оказалась? Хуже не придумать.

Это не просто игры на выживание, это игры со смертью.

Шанс выиграть также ничтожно мал, как и научиться человеку дышать под водой.

Их устраивают уже сто десять лет. Слишком долго, чтобы что-то менять. Все участники или игроки, как их называют - добровольцы. Они есть всегда, каждый год набирается нужное число, иногда даже бывает перебор, поэтому время, чтобы попытаться «удачу» ограничено. Два дня. Вот сколько дается на то, чтобы заполнить анкету и успеть вовремя. Похоже, за меня успели. Не удивлюсь, если она уже заранее была готова. Самое страшное то, что добровольцев не становится с каждым годом меньше, я бы даже сказала... наоборот. С тех пор, как всё это начали транслировать и показывать все преимущества, то их становится только больше. Конкуренция есть ещё до отборочного контура.

Почему все так стремятся сюда попасть?

Всё до банальности просто. Деньги. Во все времена всегда важны были только деньги. Если они у тебя есть, то тебе плевать на войны, на катаклизмы, на хаос и на всё остальное. С ними ты можешь если не построить собственное государство, то по крайней мере, купить себе безопасность, стены, тишину... да даже людей. И тот, кто говорит, что не в деньгах счастье, слишком беден или слишком глуп, потому что,

повторюсь, давно счастье приравнено к валюте, которая за столько тысяч лет всячески менялась.

Но есть еще кое-что. *Статус Творца*. Не просто гражданина Земли, поделённой теперь на двадцать пять зон, каждая со своими законами, квотами и уровнями доступа.

А того, кто стоит *над* этим делением, то есть почти на одном уровне с членами правящих семей.

После десятилетий войн, обычных, ресурсных, биологических, мир перестал быть прежним. Вирусы, утечки, мутации. Появлялись не «суперлюди», как мечтали в старых книгах, а уродливые искажения: нестабильные, опасные, неконтролируемые. Мутанты, от которых шарахались даже те, кто их создал.

Тогда начались эксперименты.

Сначала, чтобы исправить. Потом, чтобы усилить. А затем просто потому, что стало возможно.

Человечество доэкспериментировалось.

Теперь способность - это не миф и не случайность. Это процедура. И это единственное, что нельзя купить за деньги, хотя насколько я слышала, на начальных этапах, то есть сто лет назад, было не так. Её, как раз именно продавали. Сейчас же ты можешь получить статус Творца только одним путем - если станешь первым или вторым среди остальных пяти победителей. То есть трое получают - деньги, остальные двое - статус Творца.

Способность не одна на всех. Она не выдаётся «по спис-

ку». Она формируется под человека, под его психику, реакцию, пределы.

У кого-то это может быть работа с гравитационными полями, у другого - управление материей, третьего - телепатия и так далее.

То, о чём раньше даже мечтать не смели, потому что за одну мысль о таком могли расстрелять или сжечь вместе с лабораторией.

Творцы это те, кому разрешили шагнуть дальше. Всё. Это единственное отличие от людей. Живут они столько же, убить их можно точно также легко, если, конечно, нет способности с заживлением или самоисцелением. Большинство, то есть простые смертные, не знают всей этой информации. А я знаю. Откуда? Всё очень просто. Мой отец был Творцом. Когда он отправился на игры, то моя мама уже была беременна мной. Они жили в нищете, и это был единственный вариант выбраться из неё. Он хотел занять одно из трех мест, но даже не рассчитывал на первое или второе. В молодости он использовал удачу по максимуму, и ему слишком много раз везло, где другие погибали - он проходил. И так, в свои двадцать, то есть в том возрасте, в каком сейчас нахожусь я, он прошел игры и занял второе место. Почти в те же дни на свет появилась я, и он забрал мою маму и меня... в новый дом, который ему выделили, а немногим позже мы перебрались в другое место.

Способность моего отца никогда не звучала эффектно на

фоне остальных. Он чувствовал напряжение. Если более подробно, то ощущал распределение сил в окружающей среде: давление конструкций, пределы прочности материалов, точки излома. Он знал, где стена рухнет, если её тронуть, а где выдержит взрыв. Где платформа даст трещину через секунду, а где простоит ещё год. Это не было управлением материей, не было гравитацией, скорее, тонкое, почти интуитивное считывание скрытых напряжений мира, в том числе и естественных природных явлений.

Вместе с появлением Творцов почти сразу появилось ещё одно изобретение, не менее важное, но куда менее известное. Хотя, полагаю, сейчас люди уже должны о чем-то догадываться, а не как было, к примеру, пятьдесят лет назад.

Якорь. Искусственно созданный камень, не природный минерал, а результат сложного синтеза, выросший на стыке физики полей и биологических резонансов. Он не подавлял способности Творцов полностью, ведь это было бы невозможно. Но он гасил воздействие на носителя.

Если у тебя при себе был якорь, не важно, где, в кольце, браслете, ты становился «глухим» к способностям.

Телепат не мог читать твои мысли. Манипулятор материи не чувствовал твоё тело так, как должен был. Тот, кто работал с полями, натывался на пустоту, на сопротивление, словно его способность соскальзывала, не находя точки приложения.

Не защита мира.

Личная защита.

Его создали почти одновременно с первыми Творцами, не из заботы о людях, а из страха. Потому что очень быстро стало ясно... если дать способности без противовеса, баланс рухнет. И рухнет окончательно.

Большинство простых смертных даже не подозревают, что такое существует. Они думают, что Творцы неуязвимы. Что от них невозможно скрыться.

Это неправда.

Просто доступ к якорям такой же закрытый, как и доступ к правде. Насколько мне известно, то эти якоря есть у членов правящих семей, они давно используются в качестве украшений, после есть почти у всех Творцов. Они используют их против других, таких же, как они, при этом их способность никак не блокируются. Ну и конечно - у богачей, правда не просто людей с деньгами, но и со связями. У родителей Милли точно не было якорей. Один из таких камней когда-то держал в руках мой отец. Не для себя, для нас. Он никогда не носил его постоянно, а вот мама... мама без него из дома не выходила.

Да... Раньше были другие времена. Мы жили лучше. Без нищеты, без страха завтрашнего дня.

И всё это он получил в двадцать лет. В том же возрасте, в каком сейчас нахожусь я.

Мысль об этом холодно оседает внутри.

Дверь снова открывается и появляется ещё один, прошед-

ший контур, человек. Парень. Моего возраста на вид и с потрепанной формой, как будто... она горела у него. Он вообще ни на кого не обращает внимания и садится неподалеку от меня.

В течение следующего часа людей значительно прибавляется, но вид у всех не то, чтобы помятый, не самый лучший. Похоже, они плохо перенесли перемещение. Прошли, возможно, контур сразу или быстрее, чем я, но приходили в себя после перемещения. Некоторых сюда даже затащили, как говорили стражники.

На данный момент - сорок два человека.

Это уже слишком много. Для меня уж точно.

Я не боец и не игрок. Большинство из участников, тех, которые не совсем отбитые на голову, готовятся годами, так как знают, куда и зачем идут. А я... у меня есть лишь те немногие навыки, которые помогали мне выжить с тех времен, как мы с мамой остались ни с чем. Например, я могу красть, быстро бегать, немного драться и обращаться с ножом. Всё. На этом мой список заканчивается. А... и ещё - голодать, то есть несколько дней без еды спокойно продержусь. Этого категорически недостаточно. Мой отец хотя бы отлично владел разными видами оружия и дрался не на жизнь, а на смерть.

Единственное моё преимущество перед другими - информация о Творцах. Но, к сожалению, она мне никак не пригодится, если я не выиграю. Чёрт... Да я банально не в курсе всех этапов игр. Почему? Потому что я никогда не смотрю.

рела их, только в далеком детстве, лет до восьми, а после того, как мой отец был убит, то я старалась стереть всю информацию из головы о Творцах и играх. Пока другие обсуждали это, делились впечатлениями, я старалась абстрагироваться, в школе даже пропускала занятия по тем предметам, которые частично касались тех самых игр. В общем, делала всё то, чтобы не думать об этом. Только Дарси периодически напоминала и всё-таки делилась со мной своими эмоциями от просмотра игр. Сейчас я отчасти ей благодарна, хоть она этого и не знает. Но уже знает, что я здесь, как и моя мама. Не представляю, что она сейчас чувствует... Не просто переживает, вероятно, проживает свой персональный ад заново, ведь когда-то на моем месте был отец, её муж, человек, которого она любила и который впоследствии её предал.

Мне не дадут связаться с ней или с подругой до тех пор, пока я не выиграю или... не сдохну. В последнем случае свяжутся вместо меня и сообщат о смерти.

Глава 3

Я перевожу взгляд на запястья парня, того самого, что не обращает ни на что внимания, и понимаю, что он сто тридцать восьмой. Числа на наших запястьях, как выразилась Лианна, вместо имен. Пока что. То есть никто, в том числе и зрители, не знают кто мы и откуда, но уже скоро это изменится. За прошедшие контуры нам будут начисляться очки или баллы по-другому, но ещё это смогут сделать и люди, зрители, тоже внести свой вклад в наш прогресс. У каждого ведь есть свой «любимчик», как в любой другой игре. Есть фигура, которой кто-то отдаёт предпочтение, так и здесь также. Иногда некоторых участников спасала именно любовь зрителей. Мой отец поначалу был в этом числе.

Со мной этот вариант точно не сработает, как только станет известно, кто я. Если бы тут можно было зрителям отнимать заработанные очки у игроков, то я бы оказалась в большом минусе.

Пока другие как-то налаживают контакт, то я отношусь к числу молчаливых наблюдателей. Да. Мне известно, что на первых контурах лучше именно объединяться с кем-то, так будет проще, а уже в конце, если повезет туда добраться, то каждый будет сам по себе.

Что ж... Я пыталась объединиться, но человека практически разрезало пополам, так что пока больше желанием не

горю.

Именно в этот момент понимаю, что прямо рядом со мной опускаются на лавку, поэтому перевожу взгляд, когда девушка с ярким макияжем протягивает мне руку. Как у неё продержался макияж и даже не размазался?

- Привет, я седьмая... Пока что. А так меня зовут Тори, - представляется она и улыбается.

Я перевожу взгляд с ее лица на руку, понимая, что она ждет от меня того же. Не могу сказать, в какой момент она здесь появилась, то есть вошла в зал, почему-то я уже перестала на это обращать внимания.

По-хорошему, чтобы не выглядеть полной сукой, я должна представиться. Хотя, если быть честной, в этом месте слово *должна* вообще теряет смысл.

Я не знаю, подходила ли Тори уже к кому-то ещё. *Седьмая*... я мысленно поправляю себя. Не Тори, а седьмая. Здесь нет очередности в привычном смысле, нет друзей и союзников в том значении, к которому люди привыкли. Есть только временные пересечения траекторий. Одна из тех вещей, которые отец повторял мне ещё в детстве, тогда, когда думал, что я слишком мала, чтобы понять. А потом это же говорила Дарси, слово в слово, словно читала из одного и того же внутреннего устава: «Не привязывайся. Здесь это убивает быстрее всего».

Но отказать сейчас, значит сразу поставить на себе метку, а метки здесь долго не живут.

Я всё же поднимаю руку и вкладываю пальцы в её ладонь. Слегка сжимаю и даже позволяю себе сдержанную улыбку. Кажется, девушка едва выдыхает и чуть расслабляется.

- Тринадцатая, - говорю я, прежде чем она успевает что-то добавить. - Дэл.

Я почти уверена, что это временно. Что через день, два максимум, она сама перестанет со мной разговаривать. Или я перестану. Или одна из нас просто не дойдёт до следующего контура. Так здесь обычно заканчиваются знакомства. Думаю, это понимает и Тори. Нужно быть совсем наивной, чтобы мыслить иначе.

Но сейчас... сейчас полезно знать хоть что-то. Кто она, откуда, что видела, что прошла. Любая информация это шанс, иногда куда более ценный, чем очки.

Если уж я здесь, то сделаю всё, чтобы выжить. Не только потому, что мама останется одна, данная мысль находится где-то глубоко, но я стараюсь не давать ей всплыть.

И не только потому, что я не собираюсь стать ещё одной строкой в статистике.

А потому что есть дрянь Милли, до которой я даю себе мысленное обещание добраться.

- Что у тебя было, Дэл? - спрашивает Тори, а после от неё сыпется тьма информации, в том числе и вопросов. - Из какой ты зоны? Мне попался лес, могло быть и хуже... но это хищные животные с мутациями, - её передергивает, - вообще настоящий ужас. Я тут, кстати, с братом. Джаспер... но

его пока ещё нет, но он точно пройдет. Джаспер такой. Если он задастся целью, то дойдет до конца. Мы, кстати, из двенадцатой зоны.

Наверное, девушка замечает, как выражение моего лица постепенно меняется, как у меня банально мозг не успевает уследить за всей информацией.

- Извини, много говорю, да? Это всё из-за укуса абстрактного комара... он...

- Заставляет тебя без умолку болтать, - договариваю за неё, вспоминая, что это за насекомое такое. Безобидное, если сравнивать со всеми остальными, но после его укуса на протяжении нескольких часов человек буквально держится из последних сил, чтобы не говорить. В чем опасность? В том, что на шум всегда приходит более крупный хищник.

- Да, да. Я могу отвлечься, когда слушаю... по крайней мере, это помогало. Меня даже, когда откачивали после броска, - это она так называет перемещение, - на протяжении двадцати минут я не на минуту не замолкала. Вот видишь... опять...

- Я из восьмой зоны, - перебиваю её и только тогда Тори облегченно выдыхает. Не знаю, на самом деле, как это работает, может быть, у неё есть какой-то внутренний стоп. Похоже, она и сама устала. - У меня была пустыня и какие-то гидравлические ловушки. Там была и пятьдесят восьмая, но... ей не повезло.

Замолкаю буквально на секунду, но этой секунды вполне

хватает, чтобы Тори начала говорить:

- Ой, да, я видела в том году репортаж из пустыни, поняла, что ты имеешь в виду под ловушками. У тебя кровь... это пятьдесят восьмой, да? - киваю. - Ты пыталась ей помочь? - ещё один кивок. - Это похвально. Мне кажется, здесь никто не станет помогать друг другу по возможности, конечно, если они не братья и не сестры, как я с Джаспером. Сколько тебе?

- Двадцать.

- А мне двадцать один, а Джасперу двадцать три. Как тебе в восьмой зоне? Я слышала, у вас там проблемы с электроподачей? А работа? Ну, раз ты пришла сюда, то, наверное, тоже все плохо. У нас неплохо... но, скажу тебе по секрету, - Тори понижает голос и даже слегка наклоняется ко мне. Яркая красная помада на её губах совсем немного стерлась, - мы с Джаспером хотим стать Творцами. С самого детства, но болезнь отца держала нас... Он умер в том году, и мы сюда записались. Не то, чтобы мы рады, но он был ещё тем сукиным сыном. Столько раз хотелось его оставить, но чертова совесть не позволяла. А что на счет твоих родителей? У тебя кто-то есть? Братья, сестры? Другие родственники...

Приходится вновь вмешаться, иначе седьмая так и продолжит. Не потому, что болтливость раздражает, нет, в этом даже есть что-то успокаивающее, а потому что за её словами я перестаю успевать думать.

- В восьмой зоне... по-разному. Да, с электроподачей бы-

вают проблемы. Особенно за пределами центральных районов. Работа есть, но не та, которая даёт ощущение, что ты куда-то движешься. Скорее просто... выживаешь.

Я не добавляю, что пришла сюда не по своей воле. Это никому не нужно знать. Пока что.

Всего на Земле двадцать пять зон, и это не значит, что первая - самая лучшая, а двадцать пятая - худшая. Нет. Все они разбросаны в разных уголках планеты, как лоскуты одного и того же мира, но сшитые грубо и без попытки сделать края ровными. Каждая зона живёт по своим правилам, со своим климатом, уровнем контроля, доступом к ресурсам, медициной, образованием и даже тем, что считается нормальной жизнью.

Где-то это вечные морозы и подземные города, где солнце видят пару раз в год. Где-то выжженные территории, где вода ценнее человеческой жизни, почти, как пустыня, куда меня сегодня забросило. Вероятно, если бы я шла, то дошла до шестнадцатой зоны. Есть зоны с тропической влажностью, где всё гниёт быстрее, чем успевает вырасти, и зоны с идеальным климатом, но тотальным надзором, где ты дышишь только потому, что тебе разрешили.

Что касается восьмой зоны, то там не всё так плохо, или это я просто стараюсь мыслить более оптимистично с тех пор, как живу там с восьми лет. Мы с мамой переехали туда после того, как всё окончательно пошло не так. Если представить социальную лестницу, то мы на третьей ступени с

конца. Ниже только те, у кого нет постоянного жилья, и те, кто живёт в карантинных секторах. Это значит, что у тебя есть крыша над головой, но нет гарантий. Ни на завтра, ни на послезавтра.

Дожди идут там триста двадцать дней в году. Настоящие, тяжёлые, с ветром, который забивается под кожу. Из-за них постоянные перебои с электричеством, линии не выдерживают, подстанции заливают, оборудование ржавеет быстрее, чем его успевают менять. Но дело не только в погоде. Хотя для меня главный недостаток именно в ней. За двенадцать лет я поняла, насколько сильно ненавижу дожди.

Проблемы с поставками. Перекрытия маршрутов. Приоритет всегда у центральных районов, а окраины ждут. Иногда неделями. Поэтому даже те же медикаменты получить весьма тяжело.

Есть ещё одна зона. Отдельная. Нулевая. Она как будто существует вне общей системы координат. Там живут только члены правящих семей и приближенные к ним, в том числе и некоторые Творцы, остальные же вольны жить, где им захочется. Правда, я не видела ещё ни одного Творца, живущего в моей зоне. Только дурак решился бы там добровольно жить. Также есть Разлом, это кое-что отдельное...

Именно в нулевой зоне я жила первые восемь лет своей жизни. Вместе с родителями.

Мир, где не отключали свет, где дождь был просто дождём, а не угрозой, где двери закрывались не потому, что

опасно, а потому что так положено.

Иногда мне кажется, что именно это и делает всё происходящее особенно мерзким. Я знаю, *как может быть*. И знаю, *как легко тебя из этого вычеркивают*. Чем выше ты забираешься, тем больнее будет удар при падении.

- Родители... - я делаю вдох чуть глубже, продолжая. - Мама есть. Она осталась дома. Одна.

И это правда. Абсолютная, кристально чистая правда. Я не вру, просто не уточняю всего, что касается моих родителей.

- Братьев и сестер нет, как и остальных родственников.

В этот момент заходит ещё группа людей, похоже остальных либо как-то собирают, либо дают время немного прийти в себя, после отводят сразу сюда.

Тори вскакивает со своего места и машет рукой высокому парню, одежда которого частично в крови.

- Джаспер! Иди сюда!

Парень откликается не сразу. Я замечаю его ещё до того, как он делает шаг в нашу сторону, прослеживая за взглядом седьмой. Высокий, широкоплечий. Где-то под метр восемьдесят пять, может, больше. Он двигается осторожно, с той скупой экономией движений, которая появляется либо у людей с боевым опытом, либо у тех, кто уже успел понять, что здесь любое лишнее движение может стоить дорого.

Внешне они с Тори похожи. Одинаковый разрез глаз, тёмные брови, тот же оттенок кожи. Но если Тори это сплошная

энергия, мимика, голос, жесты, то Джаспер будто вырезан из другого материала. Лицо жёстче, черты грубее, челюсть напряжена даже в покое. Парень даже выглядит постарше своих лет.

Форма на нём частично в крови. Не свежей, уже подсохшей, тёмной. В некоторых местах ткань влажная, но не так, будто он был в воде, скорее пятнами, словно снег таял прямо на нём, пропитывая одежду, а потом снова замерзал. Рукав у локтя потемневший, край куртки тяжёлый от влаги.

Подойдя ближе, парень бросает на Тори проверяющий и цепкий взгляд. На секунду напрягается, будто ожидая увидеть её раненой. Только убедившись, что с ней всё в порядке, немного расслабляется. Совсем чуть-чуть. Потом его взгляд скользит вниз и останавливается на мне.

Оценивает.

Спокойно, без интереса, но внимательно.

Я мысленно отмечаю очевидное, что мы с ним выйдем здесь самыми... использованными. Самыми грязными. У кого-то форма почти стерильная, у кого-то сухая, без следов. А мы с кровью, разрывами, следами того, что отборочный контур был не просто бегом от одной точки к другой.

- Это Дэл, - тут же начинает Тори. - Мы разговорились, пока тебя не было. Она из восьмой зоны... У неё была пустыня с гидравлическими ловушками, ну, теми, помнишь? Которые были в том году у одного из игроков? Его еще разре-зало. Дэл повезло, в отличии от другой, её..

Джаспер хмурится ещё сильнее, переводя взгляд с меня обратно на сестру.

- Я укушена, Джас. Абстрегейский комар. Мне ещё минут сорок, максимум час, и всё пройдет, обещаю. Я стараюсь, правда, - брат выдает кивок, а седьмая задает ему вопрос. - Что у тебя было? Ты странно мокрый.

- Снежная зона. Видимость почти нулевая. Холод такой, что пальцы перестаёшь чувствовать через минуту. Нужно было расправиться с медведем.

- С настоящим?

- Да. Мутировавший. Крупнее обычного. Пришлось убить.

- Ты ранен?

- Лишь царапины, - он хватается за живот и опускается на лавку рядом со мной, где сидела его сестра, а та тут же садится на корточки перед ним. - Всё в порядке. Это после переброса... Еще до конца не отошел. Я, конечно, слышал, что будет мутить после этого в первые разы, но не думал, что настолько.

Я кидая взгляд на его запястье, отмечая, что он двадцать первый.

- А мне что-то вкололи, уже полегче, хоть я и некоторое время лежала. А ты как, Дэл?

- Уже лучше, - отзываюсь я и пока, седьмая не продолжила говорить, то теперь я решаю задать вопросы. - Знаете, что будет дальше? Какой следующий контур?

Тори переводит на меня взгляд и едва сдвигает брови, а Джаспер поворачивает голову. Отвечает именно девушка, похоже парню действительно плохо.

- А ты не знаешь? Это же... всем должно быть известно. Или что-то поменяли в этом году?

- Я просто не очень увлекалась играми раньше, поэтому мало, что знаю.

- И решила всё равно пойти?

- Так сложились обстоятельства, - похоже, мой ответ пока устраивает девушку или ей просто не терпится выговориться, пока действует укус комара.

В этот момент заходят ещё прошедшие игроки.

- Теперь у нас будет три дня отдыха после отборочного контура, всех игроков посчитают, вернее, уже это делают, отведут по комнатам. За это время мы сможем по-настоящему подготовиться к первому контуру, на котором, вероятно, отметется сразу половина от прошедших. Дальше снова отдых на протяжении трех дней, следующий - второй. И так далее... до самого конца. Покидать пределы Периметра, - так называется место в первой зоне, где мы находимся, - нельзя. Да и никто не допустит этого.

- А следующий контур... Уже известно, что это будет?

Седьмая морщит нос и встает с корточек, поэтому я приподнимаю голову, чтобы взглянуть ей в глаза.

- Нет. Никогда не известно. Это часть системы. Если бы участники знали заранее, половина бы готовилась точноно.

А так универсальный стресс, - девушка хмыкает. - Иногда это может быть территория с ограниченными ресурсами. Иногда зона, которая медленно убивает: токсичный воздух, радиационный фон, температурные скачки. Были годы, когда игроков загоняли в города-призраки, где ловушки были важнее самих людей.

- Или лабиринты, - вдруг глухо добавляет Джаспер, не открывая глаз. - Сдвигающиеся. Живые.

Тори кивает.

- Да. Или контур на выносливость. Когда никто никого напрямую не убивает, но слабые просто... не выдерживают.

Она делает неопределённый жест рукой, будто стирает кого-то из списка.

- Но первый контур всегда массовый, - добавляет она уже серьёзнее. - Не один на один. Не дуэли. Там задача простая, также, как и в отборочном контуре, убрать максимум игроков. Быстро. Эффективно. Без лишних затрат времени.

- Значит, резня, - тихо говорю я.

- Именно, - без колебаний соглашается Тори. - Потом уже начинаются более интересные этапы. Когда остаётся меньше людей и за каждым можно следить отдельно.

Я замолкаю на секунду, прокручивая это в голове.

- А в перерывах между всеми испытаниями, мы предоставлены сами себе. Можем тренироваться, проверять реакцию, выносливость. Некоторые пытаются набрать союзников. Кто-то ищет слабых, чтобы заранее понять, кого убрать

первым. Кто-то просто спит и ест, - седьмая пожимает плечами. - Все по-разному справляются со страхом. В этом году всё будет сложнее и интереснее.

- Почему?

- Ты даже это не знаешь, Дэл? У вас там в восьмой зоне всё настолько плохо с информацией?

- Отчасти. Так, что ты имеешь в виду?

- В этом году будет участвовать член правящей семьи, - поясняет Тори, - это известно уже, как пару дней. В принципе, когда участвует кто-то из правящих, то это всегда выставляется на всеобщее обозрение. Поэтому с Джаспером мы хотели пропустить этот год, когда узнали, но... уже было поздно, заявка отправлена. Чёрт, придется побороться.

- Кто будет участвовать? - спрашиваю я, а мой взгляд автоматически перемещается на остальных игроков, которых здесь уже собралось не меньше сотни.

- Андер Морроу...

На остальных словах Тори я некоторое время не фокусируюсь, потому что знакомое имя и фамилия заставляют сжать пальцы в кулаки, и это не укрывается от двадцать первого.

Чёрт.

Ну, что ж... Полагаю, теперь мои ничтожные шансы к выживанию и вовсе ушли в минус.

Как я могла не знать об этом? Что Андер участвует в этом году? Дарси точно что-то говорила, должна была или... спе-

циально не стала, чтобы не напоминать. Я не знаю. Впрочем, это уже ничего не исправит.

Я не вижу его среди всех прошедших игроков. Может быть, мне хоть раз повезет и... он не пройдет? Мне хочется нервно рассмеяться от собственной мысли.

По правилам игр кто-то из правящих не обязан участвовать каждый год. Достаточно одного победителя от семьи, наследника или любого другого родственника по прямой линии, чтобы семья сохраняла полный доступ к власти и право управлять зонами. Один. Всего один раз и на протяжении нескольких лет, возможно, даже десятков об этом вопросе можно позабыть.

Землей управляют не отдельные политики и не правительства в привычном смысле. Формально зоны курируют консорциумы, то есть надзональные управляющие структуры, что-то среднее между советом, корпорацией и военным штабом. Именно они следят за ресурсами, распределением, безопасностью, передвижением между зонами.

Но консорциумы подчиняются правящим семьям.

Их всего четыре. Уошберны, Огилви, Ланкастеры и Морроу.

Вся власть специально рассредоточена между ними, так как после последних мировых войн стало очевидно, что единый центр управления всегда заканчивается катастрофой. Поэтому семьи ограничивают влияние, перекрывая решения и блокируя инициативы.

Даже любые браки между членами правящих семей запрещены, чтобы никогда, ни при каких условиях, власть снова не собралась в одних руках.

От Уошбернов участвовала лет пять назад Калиста, которая пока ещё не вступила в полноправное правление, но когда её мать уйдет, то Калиста займет ее место. На данный момент девушке двадцать четыре.

Бывает так, что дети правящих семей погибают на играх, и это совершенно нормально, поэтому есть множество других родственников. Кузены, сестры и так далее. Однажды было так, что в правящей семье не осталось совершенно никого. Это было очень давно, когда игры только появились, тогда семью просто заменили, то есть путем выборов выбрали новую. Так что - незаменимых нет. Сдохнут все - найдут новых.

У Морроу всего два сына. Это считается мало, так как в остальных семьях, не считая Уошбернов, насчитывается по четверо или пятеро детей.

Кейн и Андер.

Кейн старше Андера на пятнадцать минут. Смешно и одновременно абсурдно, но именно эти пятнадцать минут решают всё. По закону наследование идёт по старшинству, и именно Кейн будущий глава семьи.

Три года назад он участвовал в играх и занял первое место, то есть стал Творцом. Да, кто-то из семьи должен им стать в любом случае, формальность, не более, плюс способность в виде приятного бонуса ко всей власти.

После этого вопрос о власти был закрыт. Их отец до сих пор формально у руля, но всем известно, что это вопрос времени.

А Андер...

Андер должен был участвовать тогда же. По крайней мере, так говорили. Второй сын, запасной вариант, *на всякий случай*. Но вместо игр он оказался в закрытой клинике. Психиатрической. По какой причине? Официально - нервный срыв или нечто такое. Неофициально - он был крайне нестабилен, опасен и неуправляем.

Три года.

Три года он не появлялся на публике, и вот теперь участвует. Зачем? Если Кейн и так уже освободил его от "подобной участи". Существует ещё один вариант, когда старший наследник отказывается участвовать в играх и отрекается от власти, тогда попытать удачу может любой другой член семьи, и если пройдет, займет первое или второе место, то есть обязательно станет Творцом, тогда будет у власти.

Поэтому участие Андера ничего не изменит, уже нет. Если только... он тоже хочет стать Творцом.

От последней мысли по коже пробегают мурашки, а внутри поднимается глухое, неприятное напряжение.

- ... ты хоть видела игру с участием Кейна, Дэл?

- Нет, - отвечаю на вопрос седьмой, а она качает головой.

- Но мне рассказывали.

- Тогда ты многое потеряла. Это было невероятно! Со-

бренный, спокойный стратег. Его даже комментаторы называли «идеальным наследником». Холодная голова, минимум эмоций, всё по правилам. А Андер... если он правда всё это время провёл в клинике, - Тори понижает голос, но всё равно не может удержаться от выразительной мимики, - то у всех нас паршивые дела. Серьёзно. Это же не реабилитационный центр с разговорами о детстве. Это закрытая психиатрия для тех, кого нельзя выпускать к людям. Я слышала, что он... ну, отбитый. В плохом смысле. Не просто холодный или высокомерный, как большинство из правящих, а реально... - она крутит пальцем у виска, - без тормозов. Если такой человек идёт в игры не по необходимости, а по собственной воле, то это не к добру. Мы с Джаспером это другое. Мы хотим выбраться из дерьма, как и остальные тут, а он... родился с золотой ложкой, всё есть. И все же он здесь.

Я отвожу взгляд.

Вот в этом и вся суть.

Андера считают таким не потому, что знают его, а потому что так удобнее.

Сколько бы я не пыталась избегать информации, она всё равно преследует. Трансляции, новости, Дарси, слухи, разговоры, поэтому я всё равно *знаю*. На фоне Кейна Андера действительно выставляли психом, возможно, так оно и есть. Прошло слишком много лет.

Но единственное, с чем я не согласна, то, что Кейн - ангел. *Нет*. Никогда им не был. Он просто научился носить маску

раньше и лучше.

Они оба... я не знаю, кто из них сейчас хуже. И честно, не хочу знать. *Но раньше, в детстве, я боялась именно Кейна.* Того, чьей невестой считалась практически с момента рождения и до восьми лет. Того, за кого должна была выйти замуж... как раз по наступлению двадцати лет.

Стоит только об этом подумать, как я поднимаю взгляд, переставая слушать Тори, и смотрю прямо в одну из множества камер, что висят высоко над нашими головами и транслируют всё, что здесь сейчас происходит.

Жаль, нельзя отмотать время вспять. Тогда бы... всё было по-другому.

Глава 4

Проходит ещё два часа, и седьмая замолкает. Похоже, она сама этому рада, поэтому просто сидит рядом с братом и наблюдает за другими игроками. Как и я, впрочем.

Сейчас тут точно больше ста пятидесяти человек. Я пыталась посчитать, но каждый раз сбивалась из-за постоянных перемещений игроков.

Главное - Андера я так и не вижу.

Пока я выделила десятку тех, от кого, на мой взгляд, стоит держаться подальше. Не только не вступать с ними в конфликт, но и по возможности не попадать в один контур на испытания.

Семеро парней и три девушки. Все кажутся не просто мощными... на их фоне я выгляжу мелкой букашкой. Их номера я не увидела, только у двоих, но запомню позже.

Один из парней, тот, что широкоплечий, с коротко остриженными светлыми волосами, тёмной кожей, выжженной солнцем, будто он родился под ним. Пустыня или соляные равнины, шестнадцатая или девятая зона, там, где жара не отпускает даже ночью. Он стоит, расставив ноги, будто пол под ним может внезапно исчезнуть, и это не поза, а привычка. Руки в старых шрамах, в таких, которые не скрывают, что он давно и регулярно дерется.

Рядом с ним сухая, почти худая девушка с острыми ску-

лами и короткими, белыми волосами, глаза которой слишком спокойные. Лесная или горная зона, где учат выживать тихо, не тратя лишних движений. Она сидит, скрестив руки, и почти не шевелится, экономя силы даже сейчас.

Ещё один высокий, с узкими плечами и длинными пальцами. Он выглядит странно, форма на нём сидит неестественно аккуратно, как будто её подогнали специально, а движения слишком плавные. И почему-то этот меня пугает ещё больше, чем тот светловолосый.

Есть ещё две девушки, красивые, даже их волосы уложены так, словно они вышли только что из салона, а не прошли контур. Сестры? Вряд ли. Даже не похоже. Если не подруги, то те, кто решил на время объединиться.

И я... Бледная.

Триста двадцать дней дождя в году делают своё дело. Когда-то моя кожа была другого оттенка... тёплого, живого. Теперь она словно выцвела, и на фоне загорелых или обветренных игроков это бросается в глаза. Впрочем, я заметила ещё троих таких же бледных, как и я. Только у нас все же есть отличия. Мои волосы - если их не красить, будут иметь серый, в некоторых местах почти белесый оттенок, не такой, какой бывает у альбиносов. У них он хотя бы красивый, а у меня... будто я постарела раньше времени. Что это? Не знаю. Мама говорила, что у нас в семье, по всей видимости, когда-то были такие люди. Просто передалось по наследству, конечно же, именно мне. В детстве я ходила так, некоторые подшу-

чивали, не упускали возможности, а с четырнадцать лет раз в месяц крашу их в черный цвет, подкрашивая корни.

Проходит ещё около полчаса. Людей становится больше, шум плотнее, а воздух тяжелее. И именно тогда я чувствую это раньше, чем вижу. Как будто кто-то тянет за внутренний нерв.

Я поднимаю голову.

Открывается другая дверь. Не та, что за прозрачным полом, не та, через которую заводили нас. Боковая, которую я заметила ещё тогда, когда заходила.

Оттуда выходит Андер.

Дыхание перехватывает так резко, что я на мгновение забываю, как именно дышать. Сердце делает глухой, неправильный удар, спотыкаясь.

Форма такая же, как и у всех. Та же ткань, тот же крой. И единственное отличие делает её почти невыносимой для взгляда... она чистая. Ни пыли, ни песка, ни разводов, ни крови, будто он не проходил отборочный контур вовсе. Но это невозможно.

Он прошёл. Просто... для него это, похоже, ничего не стоило.

Чёрные волосы коротко пострижены. Лицо вытянулось с детства, стало резче, взрослее, но я всё равно узнаю его сразу. Высокий. В детстве, когда мне было восемь, а ему одиннадцать, мы были почти одного роста. Теперь между нами пропасть и не только в росте.

Конечно, я знаю, как он выглядит, как и Кейн. Все благодаря цифровым портретам всех четырёх семей, их голограммам, официальным изображениям, выверенным до пикселя.

Несмотря на это, вживую Андер другой. *Живой*. И от этого куда страшнее. На его губах появляется не широкая и уж точно не открытая улыбка. Уголок рта слегка приподнимается, будто он видит что-то забавное, понятное только ему. В этой улыбке есть что-то... неправильное. Не только безумие, но и осознание.

Парень даже идет по-другому, сразу видно, кто именно он такой, вернее, чей сын. Перед ним инстинктивно расступаются, даже те, кто секунду назад казался непробиваемым. Правда, вскоре это изменится. Его захотят убить. Почему? Если сразу убрать одного из самых сильных игроков, то дальше игра будет проще.

Я чувствую, как прижимаюсь спиной к стене сильнее, будто могу в неё влиться, раствориться или стать частью панели. Исчезнуть.

Пока он меня не видит. Возможно, я очень на это надеюсь, что он меня не узнает. Хотя бы до тех пор, пока нас не представят официально.

Андер останавливается неподалеку, но не садится на лавку, а к нему тут же подходит какая-то девушка, начиная что-то говорить.

Парень слушает или делает вид, что слушает.

Я дышу слишком поверхностно, словно любое более глу-

бокое движение грудной клетки может выдать меня, обозначить моё присутствие в пространстве, где я сейчас меньше всего хочу быть замеченной. Пальцы сами собой вжимаются в край лавки, холодный металл под кожей кажется почти спасительным, он реальный, осязаемый, в отличие от того внутреннего напряжения, которое медленно и вязко, как яд, расплзается по телу.

В этот момент Тори наклоняется к нам.

- Фу... - тихо выдыхает седьмая, глядя в ту сторону. - Вот дерьмо. Это он, да? Морроу.

В её голосе нет восхищения, одно лишь раздражение, смешанное с нервозностью.

- Даже стоит, как будто ему тут всё должны, - добавляет она, скривившись сильнее. - Ненавижу таких. Особенно когда они действительно могут себе это позволить.

Джаспер медленно поднимает голову, прослеживая направление её взгляда, и хмурится. Усталость на его лице никуда не делась, но теперь к ней примешивается холодный, трезвый расчёт.

- На первом контуре его попробуют убрать, - говорит он негромко и вполне уверенно, констатируя факт и точно озвучивая мои собственные мысли. - И не один человек. Если есть шанс избавиться от сильнейшего сразу, им воспользуются.

Сглатываю, чувствуя, как эти слова оседают где-то под рёбрами тяжёлым грузом.

- Или он избавится от них, - тихо добавляю я, прежде чем успеваю себя остановить.

Теперь они оба смотрят на меня, когда седьмая моргает, потом нервно усмехается.

- Вот именно. И это, знаешь ли, не добавляет оптимизма.

Я не смотрю на Андера напрямую. Пока нет. Вместо этого ловлю его отражение боковым зрением, в стеклянных панелях, в глянце пола или в движениях людей вокруг. Он остановился неподалёку, достаточно близко, чтобы я чувствовала его присутствие, как чувствуют приближение грозы, ещё без грома, но уже с давлением в висках.

Внутри почти болезненно что-то сжимается, потому что они говорят о нём как о хищнике, как о проблеме, которую нужно решить... а я помню мальчика с чёрными волосами и предельно внимательным взглядом.

- Главное, - добавляет седьмая уже тише, - не оказаться рядом, когда всё начнётся. Ты как, Дэл, согласна с нами? - киваю, но она не совсем правильно расценивает этот жест. - Отлично. Тогда будем держаться вместе.

Пространство разрезает резкий и короткий звуковой сигнал, от которого вздрагивает тело раньше, чем приходит осознание. Разговоры обрываются почти мгновенно, словно кто-то одним движением выкрутил громкость мира на ноль.

Дверь, ведущая на импровизированную сцену, открывается, и оттуда выходят двое.

Мужчина и женщина, оба в одинаковой серой форме без

опознавательных знаков, кроме тонких тёмных линий на вороте и плечах. Они двигаются синхронно, шаг в шаг, как если бы тренировались всю жизнь, останавливаясь почти у самого края платформы, и одновременно касаются панелей на груди, чуть сбоку, у плеча.

Щелчок.

Их голоса разлетаются по залу, отражаясь от стен, перекрывая даже собственные мысли.

- Нас зовут Мадлен и Барнс, - берет слово именно женщина лет сорока на вид. - Поздравляем, участники, если вы слышите этот сигнал и находитесь в этом зале, значит, вы прошли предварительный отбор.

Барнс продолжает, не меняя выражения лица:

- Всего к следующему этапу допущено сто семьдесят восемь человек.

По залу прокатывается едва уловимый шум, кто-то выдыхает и что-то шепчет, кто-то же нервно усмехается. Слишком много. Значит, первый контур действительно будет предельно жестоким.

- В данный момент вы находитесь в Периметре, в первой зоне, - говорит женщина. - Это нейтральная зона между отборами и контурами. Здесь действуют базовые правила безопасности. Подчёркиваем: *базовые*.

Её взгляд без интереса и каких-либо эмоций скользит по нам.

- Любые конфликты, приведшие к смерти любого игрока

до начала любого контура, будут караться немедленной дисквалификацией... - мужчина делает короткую паузу, - ...если только это не предусмотрено сценарием.

То есть смертью. Можно умереть не только на контуре.

В зале становится ещё тише.

- В течение следующих трёх дней, - продолжает Мадлен, - вы будете находиться здесь. То, что будет происходить в самом Периметре, как вы знаете, не транслируется, - рукой она указывает на камеры, - только здесь и на контурах. В перерывах между испытаниями вы можете заниматься, чем считаете нужным. Есть общие тренировки, они проходят в одно и то же время, любой желающий может присутствовать там. Ну, а если вы самоуверенны, то можете тренироваться самостоятельно или не тренироваться вовсе. Подробнее об этом вы узнаете уже завтра. Сейчас вы будете распределены на группы, вас проводят и покажут то, где будете размещены.

- Все будут жить в общих комнатах или у кого-то будут особые привилегии? Например, у тех, кто родился с золотой ложкой в заднице?

А вот и первый очевидный намек в сторону Андера.

То, что происходит в Периметре - мне неизвестно. Как они и сказали, то тут не снимают, поэтому если про контуры есть хоть какая-то информация, то про эти три дня между ними - тишина.

Не могу точно сказать, кто это произнес, так как даже не вижу из-за количества людей того человека. И этот кто-то яв-

но решил проверить границы или просто выплеснуть злость, пока ещё можно.

Мадлен и Барнс переглядываются.

Они не отвечают сразу. Не потому что не расслышали, потому что не спешат. В этой задержке есть что-то намеренное, выверенное, словно они сознательно оставляют пустоту... и позволяют кому-то *другому* её заполнить.

И он это делает.

Андер медленно поворачивает голову.

Не всем телом, совсем немного, лениво, будто его отвлекли от чего-то незначительного. Теперь я вижу его профиль. Резкую линию скулы, тень от ресниц. Уголок его рта приподнимается сильнее, и на коже возле губ проступают мелкие морщинки, признак кривого, насмешливого выражения, которому не нужно усилий.

- Если тебе так важно, где я буду спать, - говорит он негромко, но его голос разносится лучше любого усилителя. Низкий, ровный, с едва уловимой хрипотцой, - то могу тебя успокоить. Я не привередлив. Мне подойдёт любое место. Пол, койка, угол... всё, что угодно, даже рядом с таким сбродом, как ты. Разницы нет. Всё равно вы здесь все ненадолго.

Из-за слов Андера в воздухе что-то моментально меняется. Люди вокруг перестают шевелиться, разговоры обрываются, даже дыхание становится громче. Кто-то сжимает кулаки. Кто-то, наоборот, отступает на полшага, инстинктивно, не отдавая себе в этом отчёта.

- Не принимай на свой счёт, - добавляет Андер, чуть склонив голову, словно проявляя фальшивую вежливость. - Просто статистика. Большинство из вас... расходный материал.

Он наконец смотрит прямо в зал. Не на кого-то конкретного, сразу на всех.

Это плохо. Очень плохо.

По позвоночнику пробегает дрожь, а ладони непроизвольно потеют. Не потому, что он сказал что-то новое или неожиданное, нет. А потому, как именно Андер это сделал. Спокойно, уверенно и с явным удовольствием от реакции.

Он их сознательно провоцирует.

Я же почти физически ощущаю, как в нескольких футах от меня нарастает глухая, тёмная и опасная злость. Кто-то обязательно захочет доказать обратное. Кто-то решит, что лучшего момента, чтобы броситься на него, просто не будет.

Я замечаю все взгляды, какие на него кидают, в том числе и Джаспер с Тори. А Андеру, похоже, плевать.

Что ж... Если он хочет свести счёты с жизнью, то выбрал отличное место для этого. Но зачем так заморачиваться? Пошел бы просто скинулся с крыши и дело с концом.

- Вопрос закрыт, - произносит спокойно Мадлен, когда больше никто ничего не говорит, но в её тоне появляется сталь. - Никаких особых условий проживания не предусмотрено. Все участники размещаются в стандартных жилых блоках Периметра.

Барнс кивает, подключаясь:

- Группы будут смешанными, - то есть мужчины с женщинами будут спать в одном месте. - Намеренно. Это часть процесса. И да, - его взгляд скользит по залу, - мы настоятельно советуем вам привыкать к этой мысли уже сейчас.

- Сейчас на ваших браслетах появится обозначение группы. Следуйте за проводниками, - Мадлен взмахивает рукой, и через ту дверь, откуда все мы заходили, появляются сразу несколько сопровождающих. Восемь. То есть где-то по двадцать два человека в каждой группе.

На браслете действительно появляется цифра. Тройка.

- Какая у вас? - тут же спрашивает Тори, глядя на браслет брата и мой. - У меня - первая. Чёрт... у вас обоих третья. Везёт же.

И правда. У двадцать первого тоже третья группа.

Те, кто до этого сидел, как мы, начинают вставать, а другие просто подходить к сопровождающим, которые выстроились в линию. Вот у них на форме написана цифра, вероятно, чтобы не создавать шума и не задавать одни и те же вопросы.

Тори встает со своего места, Джаспер вслед за ней, а я... ещё сижу. Жду, пока пройдет Андер.

- Ты не идешь, Дэл? Не думаю, что лучше кого-то заставлять ждать.

- Да, сестра права, - как только Джаспер договаривает, то делает то, что я не ожидаю... протягивает мне руку ладонью вверх.

Самый обычный жест. Ничего особенного, просто помочь встать. Но внутри всё сжимается, будто мне предлагают не опору, а выбор. Принять, значит позволить себе быть слабее хотя бы на секунду. Отказаться, значит привлечь внимание. А внимание сейчас хочется меньше всего.

Я стискиваю челюсть.

Возьми себя в руки.

Это просто чертова рука.

Моя холодная, чуть влажная от напряжения ладонь ложится в его. Джаспер уверенно сжимает пальцы, без лишнего давления, и тянет меня вверх. Я поднимаюсь слишком быстро, почти рывком, пытаюсь сократить этот момент до минимума. Кожа к коже. Короткое, реальное соприкосновение.

И именно в этот момент за его спиной проходит Андер.

Слишком близко.

Джаспер, делая шаг назад, чтобы пропустить поток людей, задевает его плечом. Неловко, краем, но достаточно, чтобы это заметили оба. Контакт длится долю секунды, и этого хватает.

Андер останавливается.

Останавливается и девушка рядом с ним.

Я не вижу его сразу, только чувствую, как пространство вокруг сжимается. Джаспер мгновенно оборачивается, и в следующую секунду я оказываюсь наполовину скрыта за его спиной. Не специально. Случайно. Тори стоит рядом с братом.

- Осторожнее, ты не у себя дома в своей захудалой зоне или... откуда ты там вылез, - раздаётся голос Андера всё с тем же высокомерием.

- Это было случайностью, - спокойно, почти ровно отвечает Джаспер. В его голосе нет каких-то извинений, но и вызова тоже нет. - Людей много. Такое бывает, когда помещения создаются для сотни человек, а не для одного единственного.

Андер лениво усмехается, будто услышал что-то ожидаемое и потому особенно скучное. Я не вижу отсюда, но уже представляю, как уголок его рта снова приподнимается, на щеке обозначается тень, а взгляд становится чуть острее.

- Случайность... Забавно, как часто у таких, как ты, всё происходит *случайно*, - скорее всего, его взгляд скользит в сторону, так как дальше он называет номера Тори и Джаспера. - Седьмая... и двадцать первый, выглядите достаточно бодро. Только вот жаль будет, если кто-то из вас не дотянет до второго контура.

- Андер, пойдём, - раздаётся голос девушки, которую я вижу в отличие от парня.

У нее светлые волосы, уверена, что на солнце они отливают золотистым оттенком, серые глаза, аккуратные симметричные черты лица. Красивая. У неё нет макияжа, в отличие от некоторых других участниц, но он ей и не нужен. Кожа имеет здоровый, загорелый оттенок. Форма тоже чистая, лишь в некоторых местах замечаю совсем мелкие детали, подтверждающие, что она тоже сражалась за собствен-

ную жизнь. На фоне всех них мы с Джаспером, особенно я, выглядим так, словно настоящую войну прошли.

- ... держитесь ближе друг к другу, - Андер не обращает внимания, продолжая все это говорить Джасперу и его сестре. - Так будет эффективнее для вас, а для меня интереснее.

Я чувствую, как внутри поднимается давящая злость, совсем не похожая на вспышку. Хуже. Осознание.

Вот каким он стал.

Не просто надменным или жестоким. Он наслаждается этим. Тем, как его боятся, как сжимаются плечи и как люди инстинктивно делают шаг назад. Андер явно уже не тот мальчик с внимательным взглядом. И никогда им больше не будет.

И всё же.

Рано или поздно он узнает, что я здесь.

Это неизбежно.

Так почему бы не сделать это на своих условиях?

Именно поэтому я делаю единственный шаг в сторону, выходя из-за плеча Джаспера, сначала встречаясь со взглядом девушки, четвертой, судя по цифре на запястье. Правда, почти тут же перевожу взгляд и смотрю на Андера, если бы-то точнее, на кривую усмешку.

- Если ты закончил раздавать прогнозы, то не задерживай очередь.

Секунда или, может быть, чуть меньше... взгляд Андера полностью переключается на меня.

Его усмешка застревает на лице, теряя форму. Он смотрит внимательно... Сначала просто на моё лицо, и что-то похоже в его мыслях щелкает, перестраивается так методично, отчего я понимаю, что он вспомнил. Конечно... Глупо было рассчитывать на другой исход событий.

Мир теряет чёткость, глохнет, как если бы кто-то резко убавил звук. Шум голосов, шаги, металлическое эхо зала все уходит на задний план, в то время как между нами натягивается тонкая, болезненно осязаемая нить внимания. Я почти физически чувствую, как пространство сжимается до одного взгляда, до точки, в которой мы оба застряли.

Такие знакомые глаза скользят ниже и задерживаются на моих волосах.

Чёрных.

Я знаю, что именно это его цепляет. Брюнеткой он видит меня впервые. Сейчас цвет подчёркивает разрыв, доказывает, что перед ним не призрак детства, а живая, изменившаяся версия того, что он, возможно, считал давно похороненным.

Теперь - на запястье.

На число.

Короткая фиксация, и обратно к лицу. Этого хватает. В реальности всё занимает не больше пары секунд, но для меня они растягиваются до болезненной вечности, ощущения, словно проходит целый час, в котором я успеваю вспомнить чересчур многое и одновременно понять слишком мало. Воздух кажется плотнее, тяжелее, дышать становится

сложнее, но я не позволяю себе отвести взгляд первой.

Его глаза имеют все такой же оттенок, как в детстве. Практически черный, но на самом деле, на солнце, они темно-карие с холодным, почти стальным отливом, в котором нет ни тепла, ни удивления, только напряжённое, опасное узнавание.

Я не дожидаясь, пока Андер что-то скажет.

- Идём, - бросаю через плечо Джасперу и Тори, достаточно тихо, но так, чтобы они услышали.

Не замедляясь ни на шаг, первой обхожу Андера и девушку рядом с ним, ощущая его присутствие почти кожей, как статическое электричество, и направляюсь к сопровождающему с цифрой три.

Когда я уже почти становлюсь в общую колонну, к тем, кто тоже определен в третью группу, то меня нагоняет седьмая прежде, чем отойти к своим, и спрашивает:

- Ты случайно не Творец, Дэл?

- Что? - я даже не сразу понимаю её вопрос, так как мыслями ещё где-то там... - Нет. Конечно, нет.

- Странно. То, как ты заткнула Его Высочество, похоже на способность, например, на влияние речи. Слышала про такую. Когда человек просто... замолкает. Хочет сказать, но не может. Да, Джас?

Я смотрю на неё несколько секунд, а потом чувствую, как уголки губ предательски тянет вверх, когда двадцать первый выдает кивок. Если бы у меня действительно была такая спо-

способность, заставить любого замолчать, то мир был бы куда более справедливым местом.

На долю секунды я позволяю улыбке остаться. Тори замечает это и даже выглядит довольной, будто угадала что-то важное.

Но тут же я ловлю себя на этом и буквально усилием воли стираю выражение с лица. Свожу губы в нейтральную линию, выдыхаю медленно через нос. Сейчас не время и не место. Любая лишняя эмоция здесь роскошь, которую нельзя позволить.

Параллельно со всем этим ощущаю на себе взгляд. Давление между лопаток, будто кто-то держит тебя на прицеле, даже не поднимая оружия. Мне хочется повернуть голову, всего на какую-то секунду... убедиться. Но я не делаю этого. Не сейчас.

- Ладно, - Тори отступает на шаг назад, уже ориентируясь в сторону первой группы. - Увидимся, Дэл. Постарайся не умереть до первого контура.

- Взаимно, - бросаю я.

Она разворачивается и быстро исчезает в толпе, вливаясь в свою колонну. Молчаливый Джаспер остаётся рядом со мной, всё ещё слегка бледный, но уже стоящий ровнее.

Когда сопровождающий даёт сигнал, и наша группа начинает движение, я всё же позволяю себе короткий, почти незаметный взгляд в сторону.

Андер стоит во второй группе.

Не рядом, правда и не так далеко, как хотелось бы.

Всё-таки это происходит, наши взгляды вновь встречаются на те короткие мгновения, заставляющие испытать и пережить всё заново. *Все воспоминания.*

Наше общее детство. Мой отец. Правда. И разрушение.

Всего слишком много. Всё то, что я так долго прятала глубоко в себе теперь после одной встречи прорывается наружу.

Мы выходим, поэтому я вновь смотрю перед собой и заставляю сфокусироваться на том, что действительно важно. Попробовать прожить хотя бы эти три дня, до первого контура и придумать, как пройти его. Пройти и да, выжить.

Глава 5

Нас ведут по длинному коридору с ровным, слишком чистым светом, от которого быстро начинают болеть глаза. Гладкие, серые, без единой отметины стены, будто это место не предназначено для жизни, только для временного содержания. Периметр. Слово идеально подходит для подобного места... что-то промежуточное между домом, тюрьмой и казармой, где человек просто существует.

Уверена, что наш жилой блок ничем не отличается от остальных семи.

Двадцать два спальных места, выстроенные в два ряда. Обычные кровати с металлическим каркасом, тонкими матрасами и серым постельным бельём. Между ними есть расстояние, достаточное, чтобы не касаться друг друга во сне, но недостаточное, чтобы чувствовать личное пространство.

И да. Мужчины и женщины теперь живут вместе. Ладно... К этому я ещё могу привыкнуть, но вот к чему точно не смогу, по крайней мере, в ближайшее время, то к общим душевым с обычными перегородками, которые не доходят ни до пола, ни до потолка. Без дверей. Закрыться невозможно. Только встать спиной и надеяться, что никто не будет смотреть дольше, чем принято. Это для меня... тяжело. Понимаю, когда кто-то при всех начинает раздеваться, чтобы пойти сразу же в душ. Возможно, и из-за стыда в том числе,

хотя я уже давно учусь подавлять его в себе. Но и из-за уязвимости.

Следом туда отправляется чуть ли не большая часть группы, в том числе и двадцать первый, а я просто забираю комплект чистой одежды. Свободная, серая, без опознавательных знаков, такая же, как у всех. Переодеваюсь молча, спиной к кровати, не торопясь, но и не задерживаясь.

Мыться буду утром. Встану на час раньше, когда остальные будут спать. Данная мысль немного успокаивает.

Так получается, что мне достаётся кровать в самом конце ряда, у стены, и я ловлю себя на том, что почти улыбаюсь. Конец - значит меньше взглядов, меньше проходящих мимо и меньше случайных касаний. На соседней будет Джаспер и не то, чтобы этому я также успела обрадоваться, но лучше пусть он, кого я уже хотя бы знаю совсем немного, чем вообще незнакомец.

Покой длится недолго.

Чуть позже, когда мы уже разложили вещи и кто-то даже успел лечь, то доходит слух о том, что в пятой группе произошёл конфликт. Из-за спального места. Один игрок убил другого. Второй участник конфликта был немедленно дисквалифицирован, то есть убит. Теперь нас уже сто семьдесят шесть. Кто вообще стал бы убивать из-за спального места, зная, что его в таком случае тоже ждёт смерть? Вероятно, либо слишком отчаянный человек, либо слишком глупый. Я

пока склоняюсь ко второму варианту.

Примерно через два часа, пока нас отводят на ужин, как я узнаю позже, то параллельно проводят экскурсию по этому месту. Где находится тренировочная, куда могут ходить все желающие, рассказывают про медицинский отсек, куда мы можем обращаться с незначительными травмами, полученными именно в три дня между контурами. А если уже на самих играх, то там всё значительно сложнее. Такие, как Лианна решают, что с нами делать дальше. Отправлять в медицинский отсек или нет. Главное не сдохнуть к моменту возвращения в Периметр. Есть комната психологической разгрузки. Да, звучит почти издевательски, но её существование отмечают отдельно, будто галочку ставят.

И, наконец, столовая.

Всё это время Джаспер идёт рядом. Не задаёт вопросов, не комментирует, просто слушает и запоминает. Иногда я замечаю, как он машинально сжимает пальцы, будто проверяет, на месте ли сила, и каждый раз отпускает руку только тогда, когда сопровождающий переводит тему. Интересный из нас пока что тандем получается. Как-то негласно мы решили с ним держаться вместе, возможно, из-за седьмой.

В столовой нас встречает шум. Не громкий... гулкий. Голоса, шаги, скрежет подносов по металлической поверхности. Мы берём подносы и движемся вдоль раздачи. Еду накладывают быстро, без выбора: пластиковые одноразовые тарелки, плотная каша, что-то мясное, хлеб, стакан... с соком.

Ладно, последнее меня удивляет, так как даже не во всех зонах есть сок, а тут его выдают в Периметре.

Многие уже расселились. Похоже, наша группа пришла самой последней.

Кто-то инстинктивно сбился в группы, по двое, по трое, по четверо и так далее. Смеются? Нет. Скорее переговариваются, наклоняясь друг к другу, проверяют границы.

Я останавливаюсь с подносом в руках, скользя взглядом по столам, и понимаю, что не знаю, куда идти. Где-то мест уже и вовсе нет.

Просто подсесть к кому-то? Или лучше одной?

Меня как будто передергивает, и я перевожу взгляд на дальний стол, практически тут же встречаясь с глазами Андера. Рядом с ним та самая незнакомка, четвертая и... ещё двое. Я почти сразу понимаю, кто именно они такие. Не только из-за меток на руках, не просто тату, а шрамов, которые наносятся специально с помощью геометрической фигуры, что вписана в круг, с разорванной линией внутри, словно символ нарушенного предела. Его не делают никому, кроме Творцов. Это не украшение и не статус, это символ.

Хотя я бы узнала и без этого.

Каждый год появляется только два новых Творца. Их лица крутят в новостях, обсуждают, разбирают по кадрам, по жестам и интонациям. Этих двоих я знаю. Один занял второе место три года назад, тогда же, когда Кейн стал первым. Второй два года назад, первое место. Их имена, зоны, спо-

собности, всё это всплывает в памяти само, без усилий, как заученный материал, от которого невозможно избавиться.

И они расслабленно сидят здесь, как если бы это место принадлежало им по праву.

Андер в это же мгновение берёт стакан с соком, медленно поднимает его и чуть наклоняет в мою сторону, словно делает тост. Уголок рта парня снова приподнимается в той самой кривой, осознанной улыбке.

Это ещё что такое?

Хмурюсь, не отвечая на жест. Внутри поднимается глухое раздражение, смешанное с непониманием. Зачем? Зачем он это делает? Он не может не понимать, что привлекает внимание. Моё, чужое... неважно. Он словно специально бросает камень в воду и ждёт кругов.

- Пойдем, Тори заняла места, - приходится моргнуть пару раз и перевести взгляд на Джаспера, который прекрасно заметил и понял, по какой причине я остановилась.

Джаспер обходит меня, и я направляюсь за ним, больше не смотря на тот самый столик.

Тори действительно заняла нам уже место и приветственно машет рукой, а рядом с ней сидят две девушки. Те самые, которых я заметила ещё в общем зале. Не сестры, но держатся вместе.

Как только мы с Джаспером останавливаемся, а после и садимся за столом, то обе почти синхронно переводят на нас взгляды.

- Это мой брат Джаспер, а это Дэл, - сразу же говорит седьмая, а я тихо выдыхаю, понимая, что девушка уже что-то успела рассказать. Похоже, не только про брата, но и про меня. Вроде бы укус уже прошел, а её болтливость только едва поутихла. - А это Лиция и Виола. Мы в одной группе с девочками. Нам повезло, что у нас всё спокойно. Слышали, что произошло в пятой? - Тори качает головой и после отправляет кусочек пищи с вилки себе в рот. - Не могли потерпеть до первого контура, там бы и устроили разборки. Да?

- Да, слышали, - отвечает Джаспер, а я согласно киваю, ощущая теперь на себе взгляд и этих двоих... тридцать четвертой и семьдесят первой.

Что не так? Это из-за крови на моем лице? Которую я попыталась смыть, но до конца не получилась это сделать простой водой, так что я забила и оставила до завтра.

Я делаю вид, что не замечаю этого внимания, и опускаю взгляд в тарелку. Беру вилку, механически зачерпываю вязкую консистенцию, отправляю в рот. Тело помнит, как надо есть, даже когда внутри всё напряжено, как натянутая струна. Я жую, глотаю, делаю глоток сока и только потом позволяю себе вдохнуть чуть глубже.

Взгляды никуда не деваются. Пока я не ощущаю враждебности, просто изучение, когда смотрят на того, кто выбивается.

Несмотря на это, не поднимаю головы, ведь половину жизни я училась именно этому... быть тихой, незаметной, не да-

вать повода. Сжиматься внутрь, становясь меньше, чем есть, чтобы не зацепили, не задели и не решили, что можно.

Очень вовремя память услужливо подсовывает старое.

Тот день, когда стало известно, что в класс переводят «новенькую». То есть меня.

Слухи разлетелись быстрее, чем я успела войти в здание школы. «Из нулевой», «какая-то странная», «у неё отец...»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.